

ноябрь 2016

КВАДРАТЪ

КВАДРАТЪ №3

СОЧНЫЕ НОВОСТИ ИСКУССТВА

Электронный
журнал / e-zine

ЛАДЬЯ ХАРОНА: *Куда плывём?*

ПОЭЗИЯ ОТТЕНКОВ ЛЕТА

АЛЕКСАНДР АНАНИЧЕВ: *«Каким я вижу будущее литературы? Есть ещё время многое исправить...»*

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ РОМАН IS DEAD?

МНОГОБУКВ: *От огня до моря*

ИВАН ГАНИН: *«Яки – это яркое слово!»*

ЦЕРКОВНОЕ ИСКУССТВО,
НЕПАРАДНЫЕ ПОРТРЕТЫ
И ВИШНЁВЫЙ ПОКОЙ





Вот вы и листаете третий номер нашего журнала «ХУРМА» ... Нет здесь ни политики, ни экономических прогнозов, ни ежедневных тревог, ни забот, но есть кое-что другое: есть поэзия и проза, фото и картины, новости из нашего мира искусства и музыки. Мы снова беседуем с творческими людьми, ищем правды и вдохновения, спорим до хрипоты и боремся за умы читательские. Новый дизайн и новые лица, как свежий ветер, внеочередной виток, шаг вперёд, навстречу неизведанному. Здесь можно встретить многое – от иконописи до проблемы современного литературного романа, от жажды творить музыку до желания запечатлеть неизъяснимое.

Недостигнутые горизонты, отвергнутые правила, дерзкие мысли – мы собирали по крупицам самое интересное и ценное из того, что происходило с нами, с культурой и арт-средой вокруг. Кто-то пройдёт равнодушно мимо этих сокровищ. Кто-то задержится на миг. Кто-то остановится и впитает в себя эти негасимые словеса и реликвии. Мы постарались сделать третий номер «ХУРМЫ» иным, интересным, как прежде, но неуловимо изменившимся. Теперь настал ваш ход. Но! Не спешите. Истинные артефакты спешки не любят

Павел Алиев,
главный редактор интернет-журнала «Хурма»

Над выпуском работали:
Замысел, идея и концепция: Павел Алиев, Виктор Новиков.
Главный редактор: Павел Алиев.
Общий дизайн: Виктор Новиков
Обложка: Виктор Новиков
Иллюстрации: Виктор Новиков, Дмитрий Рябухин, Арсений Глазнов.
Макет, вёрстка: Виктор Новиков.

Мы в сети:
вКонтакте: vk.com/spquadrat
Web: sp-quadrat.ru

Хурма №3

Угол зрения
Знаки препинания
МногоБукв
Зона осмотра
Кто о чём
Точки пересечения



Угол зрения



4 марта в стенах библиотеки Сергиево-Посадского филиала ВГИК было очень шумно илюдно: открытие выставки иконописцев Московской Духовной Академии вызвало большой резонанс среди учащихся ВГИКа и жителей города. И действительно, на эту выставку стоило прийти по крайней мере по одной причине: увидеть мастеров иконописи в нетипичном для них, как думают многие, амплуа – представлены были работы не по церковному искусству, а по графике, послужившие материалом к портфолио при поступлении в иконописную школу. «КвадратЪ» и иконописцев связывает многое, в том числе совместные проекты, поэтому нашим поэтам и музыкантам выпала честь принимать участие в торжественном открытии выставки.





Продолжая проводить в марте литературные заседания, поэты творческого объединения «Квадратъ» начали подготовку к важному событию, состоявшемуся в начале апреля: концерт-презентация нового альбома группы «ЯКИ» для поддержки которого был дан старт конкурсу остросоциальной и сатирической поэзии. Итоги его подвели руководитель «Квадратъа» поэт Павел Алиев и фронтмэн группы «ЯКИ» музыкант Иван Ганин прямо во время концерта, поздравив на сцене победителей – Елену Тишкову, Анастасию Суркову и Марию Солдатову. Стоит отметить, что концерт был первым в туре группы «ЯКИ» по Московскому региону в рамках презентации альбома «СЭКСО».

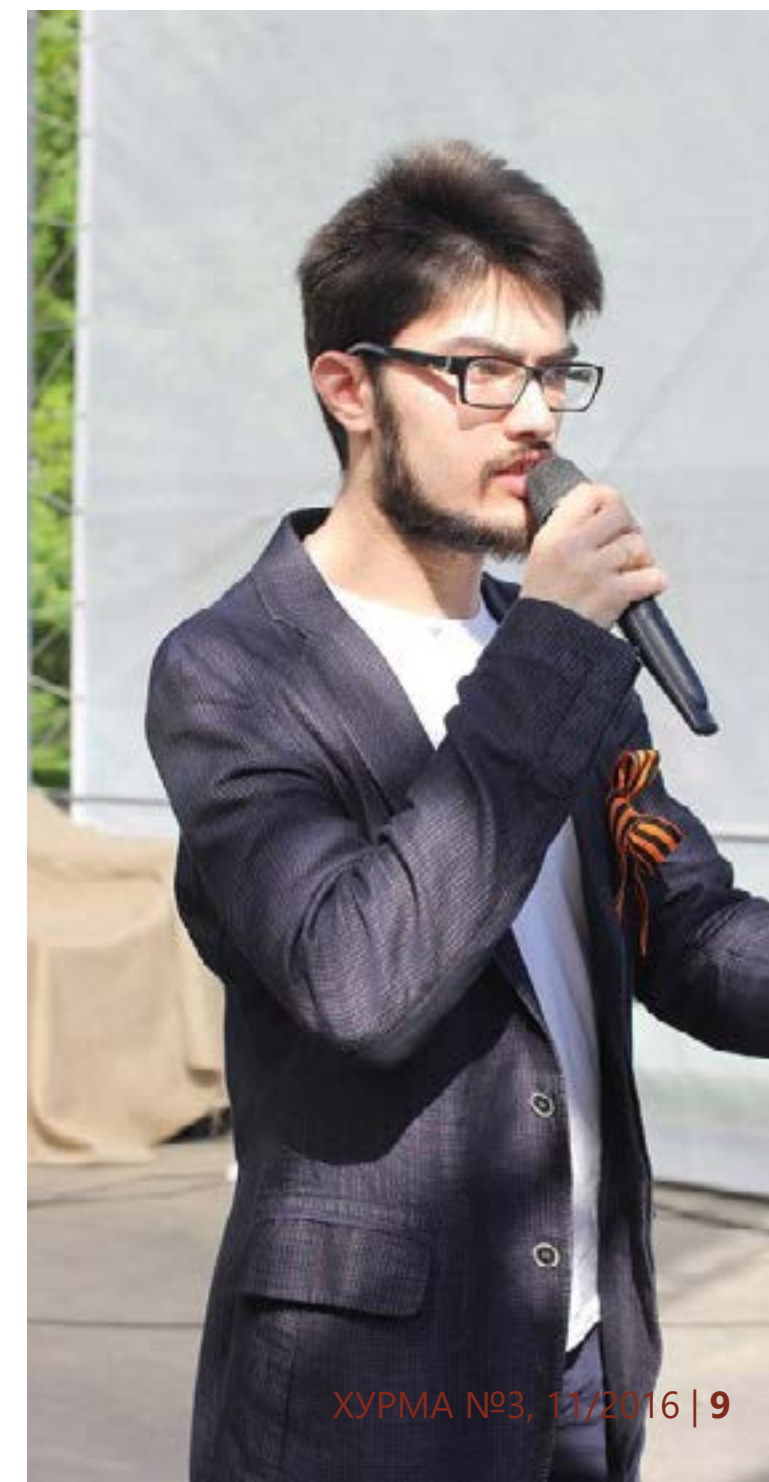
В середине апреля произошёл ещё один долгожданный ивент, знаковый для всех поэтов и писателей Сергиева Посада и района – возрождение литературного альманаха «СЕРГИЕВ» усилиями писательской организации Сергиева Посада и творческого объединения «Квадратъ», взявших на себя сбор материала, оформление, редактуру и вёрстку. На страницах журнала представлены произведения участников литературных объединений «Свиток» (город Сергиев Посад) и «Виток» (город Пересвет), творческого объединения «Квадратъ», а также членов писательской организации Сергиева Посада. Специальными гостями альманаха стали поэты города Бежецка, в котором начало активной литературной жизни было когда-то положено Николаем Гумилёвым. Периодичность обновлённого журнала «СЕРГИЕВ» – раз в полгода.



Вслед за журналом «СЕРГИЕВ» творческое объединение «Квадратъ» приняло участие в большом проекте «БИБЛИОНОЧЬ», прошедшем 22-го апреля, во время которого художник и иконописец Виктор Новиков провёл уникальный мастер-класс по европейской каллиграфии, собравший большое количество желающих постичь азы.



В мае «Квадратъ» был гостем и организатором ряда мероприятий: 9-го мая в Москве на сцене парка «Усадьба Воронцово» поэты Павел Алиев и Вадим Авласенко, а также присоединившийся к ним музыкант композитор Олег Мишин выступили в рамках концерта, посвящённого Дню Победы. Хочется отметить, что аудитория выступления в этот день стала самой большой за всё время публичных выступлений участников объединения «Квадратъ» и составила около полутора тысяч человек.

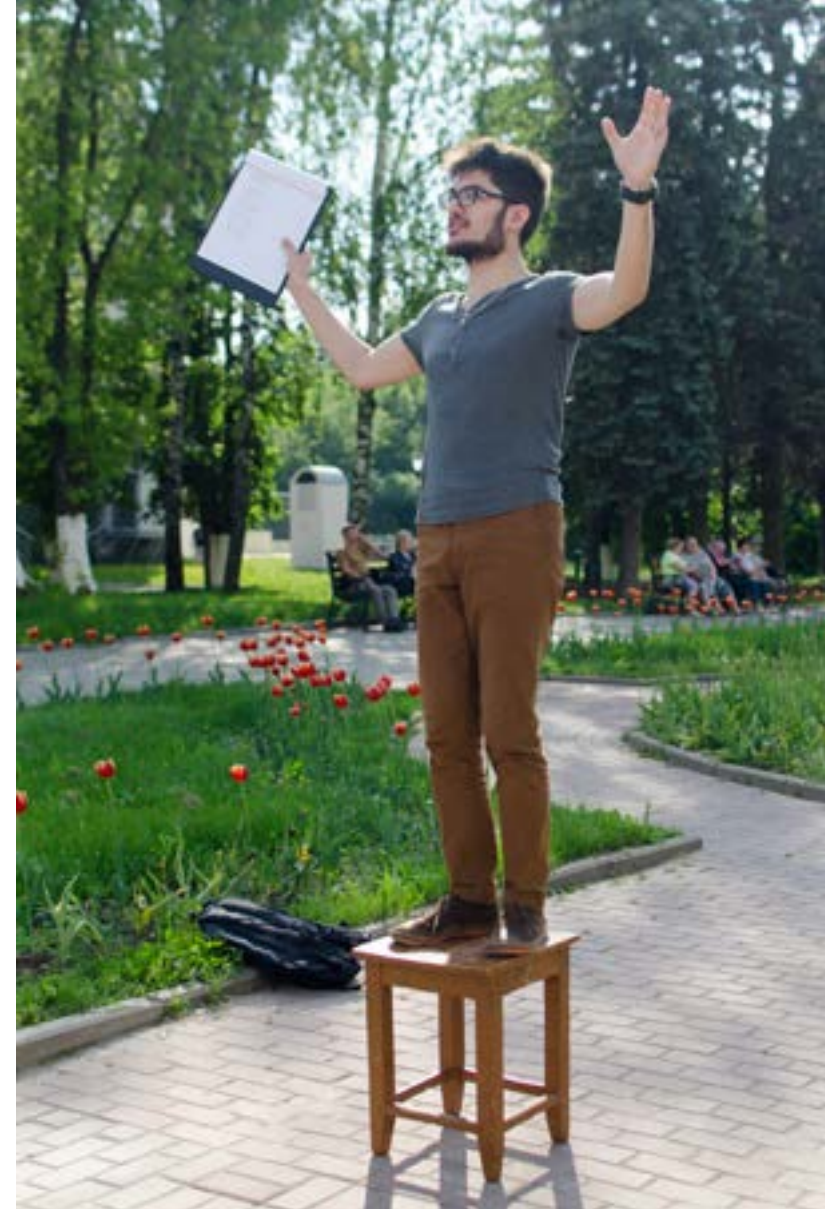




14-го мая грянуло ещё одно важное событие: яркое и незабываемое открытие долгожданной персональной выставки художника Виктора Новикова в библиотеке им. В.В.Розанова. Долгожданной, потому что предыдущая полноценная «персоналка», без привлечения иных художников, была организована на заре появления творческого объединения «Квадратъ» в феврале 2012 года. С тех пор прошло много общих выставок и фотовыставок, концертов и мастер-классов, и лишь в мае 2016 года появилась возможность явить публике новые работы Виктора, выполненные в стиле графики и каллиграфии. Кстати, «В пространстве бумаги» - именно так называется новая выставка, собрала большое количество не только

ценителей искусства, но также всех тех, кто интересуется каллиграфией и творческой жизнью Сергиева Посада. И это лишь подчёркивает в очередной раз, что искусство людям небезразлично. Самые положительные, самые светлые впечатления остались не только у гостей мероприятия, но также у «виновника торжества» и его друзей-организаторов выставки – Павла и Татьяны Алиевых.

Именно на открытии выставки Виктора Новикова в умах Ивана Ганина и Павла Алиева возник простой, но запоминающийся проект «Поэты на табуретке», суть которого заключается в том, что любой, абсолютно любой человек может встать на табуретку и прочитать либо свои стихи, либо произведения любимых поэтов – классиков и современников. Проект стартовал 15 мая возле фонтанов у ДК им. Гагарина, и за короткий срок собрал приверженцев и участников не только в родном городе, но и в окрестностях, побывав в Москве и Орехово-Зуево, вызвав небывалый интерес не только у поэтов и любителей литературы, но и у простых горожан, а также СМИ!

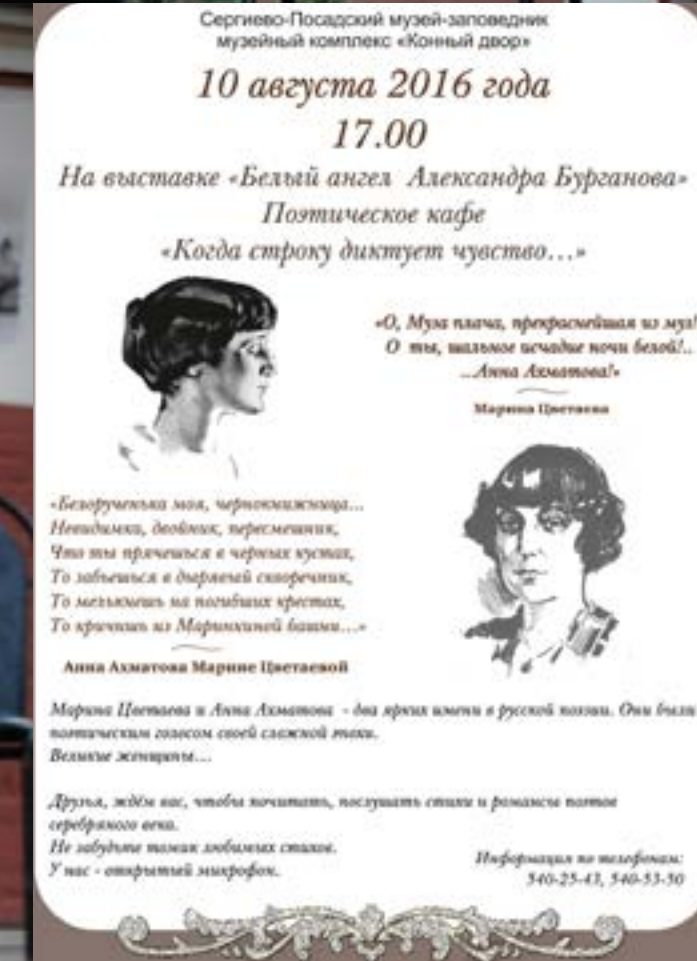


21 мая стартовал новый сезон поэтического конкурса «Бегущая строка», чьей целью является выявление и поддержка молодых и малоизвестных поэтов, которые уже завтра впишут новую страницу в литературу русскоязычного мира. Приём заявок продлился до 1 августа, в это же день к работе приступило жюри отборочного тура, а 11 сентября в библиотеке им. В.В.Розанова состоялся финал «Бегущей строфы – 2016».





В июне «Квадратъ» закрыл очередной сезон литературных заседаний и ушёл на каникулы до сентября, что, однако, не помешало нашим ребятам продолжать активную творческую деятельность и выступить 2 июля на фестивале в День Семьи, Любви и Верности в парке «Покровский» (город Хотьково), 6 июля на открытии выставки скульптора Александра Бурганова в музее «Конный двор», 9 июля поэты «Квадратъа» были спец. гостями в антикафе «Гранат» на презентации книги «Стихосоматика» поэтессы Анастасии Лукомской и выступлении гостя из Петербурга – поэтессы и музыканта Веры Сухомлин. А уже 31 июля поэты «Квадратъа» и города Хотьково выступили на сцене парка «Покровский» в рамках арт-фестиваля «Сделано в Хотьково». 10 августа наши поэты снова выступали в музее «Конный двор», теперь уже в литературном кафе, посвящённом творчеству Анны Ахматовой и Марины Цветаевой ■



Знаки пре- пинания

Елена Тишкова
Мария Солдатова
Сабина Саттар
Виктор Новиков
Пётр Ишонин
Павел Алиев
Елена Семенова

Елена Тишкова

Сирень

Мужчина на лексусе рвёт городскую сирень –
быть может, романтик последний, а может, ему не хватило на розы...
Я помню, ты тоже тюльпаны срывал мне на клумбах московских,
и мы целовались на тёмной аллее, в трамвае, в метро, на глазах у прохожих,
такое творили... (об этом тактично молчит вся любовная лирика).
Ко мне приходил ты пешком и всегда был без денег,
но помню наощупь я что-то не менее дельное (да!),
и запах... Той тёплой весной ты был очень хорош.
Прошло столько лет...
Мне кажется, что у мужчины на лексусе этого нет.
И сирень не поможет.

Нежный

Дверь открываешь передо мною и подаёшь пальто.
Где ты, ей-богу, таким научился манерам?
Я каждый раз удивляюсь – а век за окном ли тот?
Нет ли ошибки лет в сотню-другую примерно?

Нынче галантность не в моде: я знаю, как дважды два
Нашего века уловки, приёмы и правила флирта.
Твой образ действий в них вписывается едва ль,
Ты не вульгарен даже во время вирта.

И от такой душевности хочется мне всплакнуть –
Сердце трепещет от радости и умиления,
Когда ты вместо того, чтобы трогать меня за грудь,
Обнимаешь по-детски нежно мои колени.

Голый город

Голый город в апрельской пыли
Залит светом пронзительно ярким –
Видно каждое дерево в парке,
Каждый ком обнажённой земли.

Беззащитно зияют дома
Разноцветными пятнами окон,
Сквозь экраны невидимых стёкол
Всех инсайдов видны закрома.

Город мог бы прикрыться листвой
Или хлопьями позднего снега –
Только тонкие сети побегов
Заплелись над его головой.

Как доверчиво он отрешён
От своей уязвимости явной,
Время тянется тихо и плавно –
Он всё ждёт, он же слушает шорохи...

Город жаждет дождя!

...

Дождь пошёл ■

Мария Солдатова

Пустые лица

Куда ни плюнь – пустая трата
Беспечных суетных путей,
Возможно, это моя плата
За безрассудство юных дней.

Возможно, это вечный камень
Залёг на сердце, как змея,
Иль кто-то душу мою ранил,
Хотя, скорее, я сама.

Куда ни глянь – пустые лица
Спешат по делу без конца,
И всё не то, всё не годится,
Опять одна лишь пустота.

Иду по улицам – нет красок
Навстречу «серые» толпой..
Да что скрывать, я тоже в маске,
Все без лица – и я в такой...

Розовый вечер

Мани меня, розовый вечер,
Пылай ярким летним огнём,
С утра проливаясь дождём,
А к сумеркам тёплые встречи.
Мани меня, розовый вечер.

Целуй меня, солнышко ясное,
Лучами пригрей на душе,
Сегодня пою о тебе,
О том, как в сиянье прекрасно ты,
Целуй меня, солнышко ясное...

Стирай, летний месяц, печаль,
Ковром разноцветным в полях,
И запахом хвои в лесах,
Хоть радуйся, хоть мечтай,
Стирай, летний месяц, печаль.

Мани меня, розовый вечер...
Сирень, ароматом дурмань,
Июнь, провожай тёплый май,
А зори – в закат жгите свечи,
Мани меня, розовый вечер... ■

Сабина Саттар

Я целый год – целый
Год на листву смотрела.
Знаю её морщины,
Её цену.

Осенью падать – ночью,
Как карнавал в Майнце –
Всё летит и хохочет –
Валится.

Долгой зимой сушит
Иней её кожу.
Снежное злое ложе
Душит.

Плачет она весною,
Приветствуя тех, новых
Скорбных собратьев
Кровных.

Охваченная страхом бытия
Стою перед уснувшими домами.
Я стала меньшим, чем биенье капель,
Гораздо меньшим, чем всегда была.

И в жизни так мне, видно, повезло,
Что и мечтаю я о том, что хуже:
Мне нужно то, что никому не нужно –
Подгнивший прут с отломанной корой.

Весной проснувшийся тяжёлый жук –
Мой гость желанный в камере гостиной.
Ночь выпрямляет свой мизинец длинный
И замыкает мой весенний круг ■

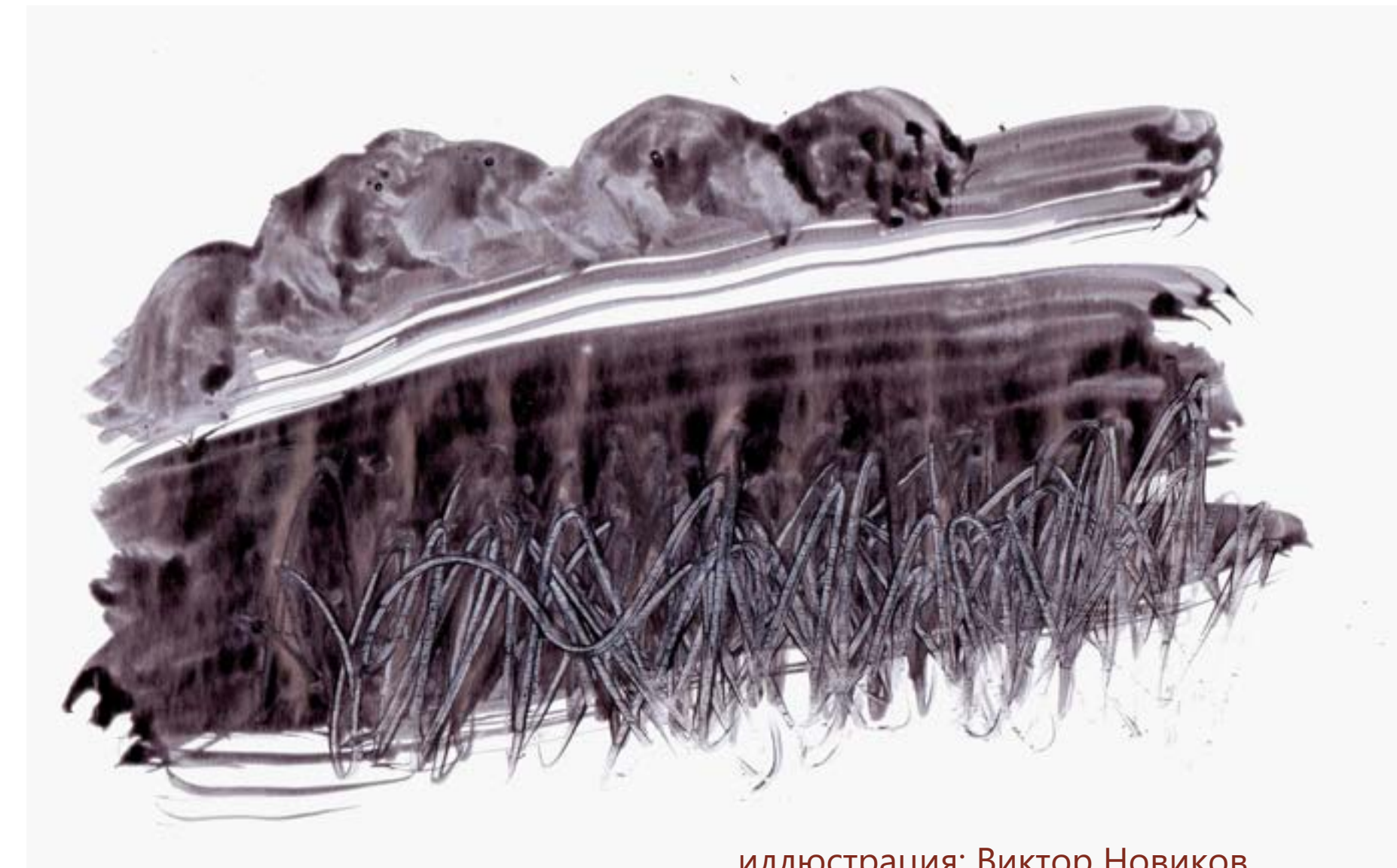


иллюстрация: Виктор Новиков

Виктор Новиков

Похолодало лето,
Улетали птицы в синюю полночь,
Забрызгано стекло, в троллейбусе как в бане.
Хочу ещё прожить,
Надеясь на ответы,
Поставленные снегу вопреки.

Календари в соку –
Ответственность за время не несут.
Искать на небе звёзды надоело
Не греет чай.
Из пол-литровой кружки вьюга
Совет мне что-нибудь про «будет потеплей».
Не верю болтовне,
Не доверяю ей.

Запах кожаных курток, ментоловой жвачки
Это просто как детство и морю сравни.
Как привычка ходить в грязно-белом халате
Покидает со временем. Мы не одни.

Не скучай и прости эти сны, эти годы.
Ты берёшь не своё, так не бойся ж вернуть.
Как менялась погода, менялась погода.
Неизменно одно: «то ли», «либо», «нибудь».

Нам без света темно, а на свете так грустно.
Первый выбросил мусор, последний – кулак.
Наверху, говорят, не хватает посуды.
Это знаю наверное, знаю и так ■



фото: Дмитрий Рябухин

Пётр Ишонин

Идёшь себе по пыльной тропке вдоль бетонки.
Вокруг поля взошли и тянутся под солнцем.
Вдали плотина, детский голос: яркий, звонкий.
Да хочется скорей добраться до колодца.

Холмы волной, пушатся лесом. Тёмной нитью
Каймится горизонт под небом чистым-чистым.
И в небе стайки птиц летают бойкой прытью,
Стараясь обыграть раскатный шелест листьев.

Овраг порос грядой бурьяна и полыни.
Дыхание ветров приносит сладость рощи:
Июль цветёт кудрями липы – золотыми.
Здесь легче быть собой, и жизнь живётся проще.

Я жив. Как небо в грозный вечер полон силы!
Я жив от сих до сих. Мой полон дух и вечен!
И серость, мрачность дней ушедших в миг постыла.
Чем больше жизнь люблю, тем больше человечен.

Я жив! И пред лицом амбиций страха нету.
Я снова рад мечтать. Готов к стезе свершений.
Я рад любить, как роща в цвете рада свету.
Не сдам оплот любви безнравию сомнений.

Заманчив красотой терновый сад
Обвитый пеленой морозной ночи.
Деревья разлеглись, как-будто спят,
Да горбятся к земле внимая мочи.

Нарушил тишину далёкий рёв:
Стрелой самолёт порезал небо,
Врезаясь в силуэты облаков.
Добраться до небес хотелось мне бы.

Спустилась глубина прилунных троп
На сказочный пейзаж садов терновых.
Мне кажется, что мир давно утоп
В пучине красоты ветвей махровых.

Блестящею грядой звездится тёрн
Седые гривы туч полны листвою.
Поглаживая их, росинку стёр
С холодного листа своей рукою.

Я больше никогда не стану ждать.
Утопленником быть мне в этом море:
Уж лучше в красоте такой блуждать,
Чем просто наслаждаться красотой ■

Павел Алиев

Вечерний холод...

Вечерний холод мне облизывает руку,
И под ногой ворчит созревшая листва.
А серый волк зовёт свою подругу,
Которая давно уж умерла...

Луна бельмом белёсым бесприютно,
Надменно и небрежно светит вниз.
О, как бы я хотел чужое утро
Себе повесить прямо на карниз...

О, как бы я хотел, чтоб призрак ночи
Не тяготел с закатом надо мной.
Но серый волк опять тоску пророчит...
Я, как константу, принимаю вой.

Ещё нагрнут холода,
Ещё поутру лёд не стает,
Но ты мне скажешь: «Не беда,
И не такое ведь бывает».

Ещё примнёт своей рукой
Несносный ветер травы в поле.
Ему бы ласку да покой,
А он привык один на воле...

Но всё же где-то есть весна,
Она цветёт, пьянит, чарует...
И каждый вечер допоздна
У ночи время всё ворует ■

Елена Семенкова

Вот я вижу тебя такой, какая ты есть.
Без морщин, без истерик, с тихим и синим взглядом.
Веки нежные, брови изгибами рядом.
Ты сегодня красива, я знала тебя другой.

Может, просто май опоил меня красотой?
Я сейчас поняла, что в реальности все красивы.
Чтоб увидеть, нужны очки с особым стеклом -
В них посмотришь – и нет грехов у любимых.

■

МногоБукв

Екатерина Цыбуля
Павел Алиев

Екатерина «Маорика» Цыбуля

Рождённый в огне

Весна не отнимает у зимы её прав, она аккуратно перехватывает вожжи из её рук. Небо, словно предчувствуя эту смену, разгоняет облака, точно люди, смывающие прошлогоднюю пыль с оконных стёкол. Лишь в редких местах, точно разводы, над головой проплывают тонкие пушистые клубки. Иногда ему видится в них что-то большее, чем абстрактное ничто.

Люди радуются перемене, жаждут поскорее сменить зимние куртки на более легкие, как немного ранее мечтали закинуть подалее шапки. Дети ждут времени, когда ненавистные ботинки можно будет уже обменять на резиновые сапоги и искать целыми днями идеальную лужу. Лем давно вырос из этого времени, но до сих пор питает слабость к быстрым весенним ручейкам. Сейчас же для них ещё не настало время, но шум окружающего города начинает звучать уже иначе. Люди, словно снег с плеч стряхивают, а вместе с ним и тревоги, начинают больше смеяться и ходить пешком. Он из тех, кого смена времен года меняет мало, но замечать их ему ничего не мешает.

У него есть свои причины любить жаркое лето и зиму без осадков. Встречает весну всегда с особым предчувствием: как только та жалует в его края, пальцы всё чаще тянутся к коробку спичек. В весеннем гаме и суматохе мало кто станет обращать внимание на паренька, что держится в стороне, не выпуская из рук маленького предмета. Лем любит звук, с которым тоненькие деревянные палочки бьются друг о друга, словно, прислушавшись, можно распознать, как их высокие голоса молят о пощаде. Но его им не обмануть. Он знает, как на самом деле те хотят быть яркими факелами, даже если светить им не дольше семи секунд, кусая замороженного зрителя напоследок за пальцы. Рук Лем не жалеет никогда, те давно у него в тонких шрамах, в которых он любит мерить красоту.

Как часто он перебирает пальцами бумажные бока, с особым почтением касаясь тёрки. Иногда подносит полный коробок к лицу, втягивая носом едва уловимый аромат ещё не зашедшего пламени. Чтобы после обязательно не удержаться и вытянуть из новой коробки пару спичек, чиркнуть о тёрку на боку. Лем любит подносить спички к лицу, жадно вглядываться огромными провалами зрачков в рыжее зарево на самом их кончике, смотреть, как стремительно чернеет дерево, как скоро огонь добирается до кожи и как тонко её кусает. Боль совсем незначительна, если не обращать на неё внимания. Но тропинка, по которой спускается пламя, так быстро обрывается, что ритуал повторяется снова и снова, пока бумажный домик не пустеет.

Как легко дымок только что вспыхнувшего огня набивается в ноздри, проникает глубже, касаясь каких-то особых центров в его мозгу. Лем получает сильнейшее удовлетворение от простой возможности наблюдать за живым пламенем. Спички – самые простые из подручных средств, но иногда их недостаточно.

Помимо огня есть в жизни Лема и ещё одна страсть – книги. Тихий аромат старой бумаги возбуждает обонятельные рецепторы ничуть не хуже резкого запаха дыма. И воспламеняется та так просто, и горит так ярко. Недавно прочитанные страницы задорно трещат в огне, напоследок желая повторить лучшие из строк, и он прислушивается к ним, запоминая каждый из их предсмертных хрипов, чтобы в последующие ночи ещё не раз прокручивать его в голове, держа глаза плотно закрытыми.

Лем лучше других знает, насколько пронзительно впечатляющим бывает живое пламя. Каждый подвержен его влиянию, и чем темнее ночь и холоднее вечер, тем более яркие всплески можно увидеть в глубине чужого зрачка. Но никогда не встречался ему человек, который ответил бы: что видит в пламени. Человек всматривается в огонь, в переливы рыжего и оттенки красного, провожает взмывающие вверх искры, но не пытается найти ответа на простой вопрос: «Для чего всё это?».

Лем видит в пламени прошлое, видит отца, которого нет уже более десяти лет. И откуда-то знает, что пройдет ещё несколько десятков лет, а картина не изменится. И будет вспоминаться разговор, накануне его гибели:

– Что ты видишь в пламени, Лем? – Его отец был пожарным, влюблённым в свою работу, истории с которой он часто приносил

фото: Дмитрий Рябухин

домой. Сам Лем, когда был ребёнком, любил разводить костры на заднем дворе, он думал, что так отец будет торопиться к нему. Так всегда и случалось, а ценой единственного промедления стали две жизни: младшая сестра Лема и его мама. Мальчишкой уже тогда он чувствовал свою вину, потому что вместо того, чтобы попытаться их спасти, он стоял и смотрел, как голодные огненные языки слизывают краску со стен, слушал: с каким звоном опадает черепица с покатой крыши. Когда отец спустя пару лет поднял этот вопрос, он, не задумываясь, ответил:

– Я вижу маленький городок с двухэтажными маленькими домами. Чистые окна, затянутые светлыми беспокойными занавесками. Покатый склон крыши, с которой так легко сорваться. Деревянное крыльцо, по которому так приятно взбегать, торопясь домой. И обязательно большой задний двор, на котором можно разжигать костер и греть зефир, нанизанный на яблоневые прутьики.

– А люди, Лем? Людей ты там видишь? – Отец слушал внимательно, стараясь понять и сохранить каждый из предложенных образов, но отсутствие людей заставило его прервать рассказ сына. Лем не знает: чего тогда ему не хватило? Зачем он прервал его? Но теперь он думает, что уже тогда отцу не понравился его ответ.

– Нет, только слышу. – Мальчику было тогда двенадцать лет: огонь виделся ему не только волшебством, но ещё и гибелью. Но понимать это тогда он ещё не умел, не умел разделять рождение пламени и смерть поленьев в нём. Но образы, призванные воспевать огненного бога, сами давали ему ответы. – Они кричат в закрытых домах. Я не вижу их: только то, как стучат их раскрытые ладони в стекла изнутри, пока дым не скрывает их в своих объёмах от моего взгляда. Отец его тогда долго молчал: они жарили зефир

на костре, но, несмотря на то, что Лем его всегда очень любил, в тот раз тот был совершенно безвкусным. Когда же тишина была нарушена, мальчику открылась страшная правда об обратной стороне радужных языков, кусающих пальцы.

– Ты болен, Лем, и мне тебе не помочь.

А на следующий день отец его погиб в пламени, когда пытался вырвать из огненной пасти чужую жизнь. С тех пор руки Лема все чаще хватались за коробок спичек, а на пальцах, руках и теле множились ожоги. Потому что, лишь смотря в пламя, он может чтить их память, бессознательно надеясь, что однажды искра сорвется с рук и заберёт его к ним ■



фото: Виктор Новиков

Павел Алиев

Мечты морские

Так хотелось к морю... Соня отложила потрёпанную книгу невнятного автора, скорее по привычке купленную вчера в газетном киоске, и пошла на кухню. Миша обещал уехать вдвоём в этом году куда-нибудь, хоть в Крым, непременно уехать, бросить все дела, проекты, работу, просто уехать вдвоём туда, где облака купаются в лучах заходящего солнца, туда, где край неба обнимает ленивая, но сильная волна. Да, на море они не были так давно... Соня села за обеденный стол, пустой и отстранённый после раннего завтрака, проглоченного второпях и не осмысленно, до первых признаков надвигающейся жары. Лишь хлебные крошки, разбросанные, как острова среди какого-то южного моря, напоминали о трапезе. Соня вздохнула и захотела было открыть холодильник да налить себе соку апельсинового, любимого, такого обжигающе-холодного и кислого, но, вспомнив строгий голос врача центральной горбольницы, передумала. «Вы, дорогая моя, на соки-то всякие не налегайте... кто знает, что там налито» – заявил он после неторопливого и тщательного осмотра. На прощанье спросил, не хочет ли солёных огурцов и на непонятливый взгляд Сони рассмеялся и сказал, что будет мальчик. «Всё замечательно, но для поддержания вашего здоровья и здоровья будущего ребёнка езжайте вы, Софья Николаевна, к морю. Давно ведь, наверное, не были? То-то и оно. Берите мужа в охапку и наслаждайтесь компанией друг друга, пока можно ещё». Но муж в охапку не брался, пропадал в своих кабинетах днями и ночами, на все упрёки говорил, что если б Соня читала газеты или смотрела новости, то давно уже поняла бы, в чём причина. А она даже в интернет заходить не хотела – так осточертело ей всё. Да и что там можно было почерпнуть? Никакой пищи для ума, паника в каждой строке и пустое кудахтанье претенциозных политологов да аналитиков.

Соня снова вздохнула и закрыла глаза. За окном был полдень, самое время собирать лопатой размякший асфальт на пустых улицах. Жара и раздражала, и манила, то и дело шепча на ухо

шумом большого города "море-море-море"... Сесть бы на песчаный берег, всей кожей впитывая ласковую прохладу синего зверя, а потом лечь – ждать, когда тебя накроет волна морская, накроет, оближет и убежит, как одичавшая собака, не верящая в доброту людей, но где в глубине своей собачьей души что-то такое припоминающая... Соня нехотя открыла глаза. Завибрировал в соседней комнате телефон. «Миша!» – радостно подумала Соня и прошлёпала босыми ногами по прохладному ещё паркету. Но это был не Миша, а какая-то непонятная смска на латинице, наподобие всяких там уведомлений об оплате типа «уважаемый абонент, спешим вам сообщить что...», а вот что там сообщить они хотели Соне было совсем неинтересно, поэтому читать она дальше не стала и погасила экран. Миша не звонил, и этого расстраивало её, но с другой стороны, если он не звонил, это могло означать, что в обед он не пошёл в столовую, а рванул в кассы и теперь стоит и покупает два билета куда-то к морю... Просто рано утром сквозь сон Соня слышала, как он тихо, на цыпочках, пошёл в соседнюю комнату и пошуршал папками в шкафу, где лежали паспорта. Сквозь сон тогда Соня улыбнулась и ответила на его прощальный поцелуй. Соня опять стала погружаться в сладкие мечты, но вдруг снова завибрировал телефон, как будто злее и настойчивей. Пока Соня раздумывала идти за телефоном или нет, в дверь кто-то позвонил раз, другой, третий... Звонок захлёбывался... Соня всплеснула руками и побежала к двери

– Это я, я, соседка ваша, Людмила! Софья, откройте, пожалуйста!

В то время как Соня возилась с замком, соседка продолжала частить словами, падавшими, как булыжники на мостовую.

– Софья, вы телевизор смотрите? Там такое... Такое... Они с ума сошли! Это ж надо удумать... Те-

перь-то как быть?

Соня устала бороться с замком, щелкавшим в холостую, то ли от волнения самой Сони, то ли от пришедшей не вовремя замковой смерти. Наконец, дверь распахнулась, соседка всей массой вошла, вернее, стремительно, как торпеда, влетела в окутанную мраком прихожую. И встретившись глазами с Соней, затормозила. Тишина резко запрыгнула на плечи обеим женщинам, обвилась вокруг их тел и запечатала уста.

– Так кто чего удумал-то? – первой разлепила губы Соня – Кто? – с лёгким налётом тревоги и злости повторила она.

– Как кто? Вы что, ничего не знаете? Да ведь ядерный удар... прямо по нам... наши ответили по всей границе! Сейчас вторая волна ракет пойдёт. Вы смс не получали что ли?

– Ка-ка-кую смс? – пролепетала стремительно бледнеющая Соня.

– Да смс от МЧС, тьфу ты, заговоришь тут стихами, как Маяковский... Они предупреждение выслали: искать укрытие и быть готовыми ко всему. Сегодня час назад началось без всяких там объявлений... Да вон хоть телевизор включите, Господи...

Соня побежала в гостиную, дрожащей рукой нашарила пульт и включила плазменную панель. Но телевизор молчал, мигая серым глазом...

– Да как же это..? А как теперь к морю..? – дрожащими губами прошептала Соня, без сил и надежды сползая на мягкий и просторный диван... Соседка хотела было что-то сказать, но потом передумала и молча, сбросив свою крейсерскую скорость, поплелась к себе на этаж выше.

На улице пекло солнце, прогладывая из-за надвигающегося марева. Паркет оставался прохладным. В воздухе пахло озоном ■

Зона
осмотра

Алексей Козлов
Анастасия Донченко
Никита Александров

Алексей Козлов

КОЗЛОВ Алексей Викторович, родился 1 сентября 1980 года в городе Ленинград (ныне Санкт-Петербург). С 1992 по 1998 гг. учился в СХШ им. Б.В. Иогансона при Академии Художеств. В 1998 году поступил в институт им. Репина в мастерскую церковно-исторической живописи. Стажировался в иконописной мастерской Александро-Невской Лавры. В 2004 году выпускается из института им. Репина с дипломной работой «Проект росписи храма Рождества Богородицы Лужецкого монастыря». Работает в области иконописи и стенописи, руководит объединением иконописцев. С 2008 года живёт в Сергиевом Посаде, принимал участие и осуществлял руководство ряда больших иконописных проектов по росписи и украшению храмов Сергиева Посада. Для Алексея Козлова попытка найти свой стиль и метод неотделима от осмысления своего места в русле традиции. Алексей о своём творчестве: «Только внимательно изучая древний образ и сопоставляя своё творчество с ним, можно объективно оценить и настро-

ить на нужный лад свои поиски в церковном искусстве. Но творчество от этого никак не умалется. Наоборот, оно приобретает силу и основательность, питаюсь живой мощью предания» ■



Богородица Знамение
2014г.



Спиридон Тримифунский
2016г.



Георгий Победоносец
2007г.



Святитель Игнатий Брянчанинов
2007г.

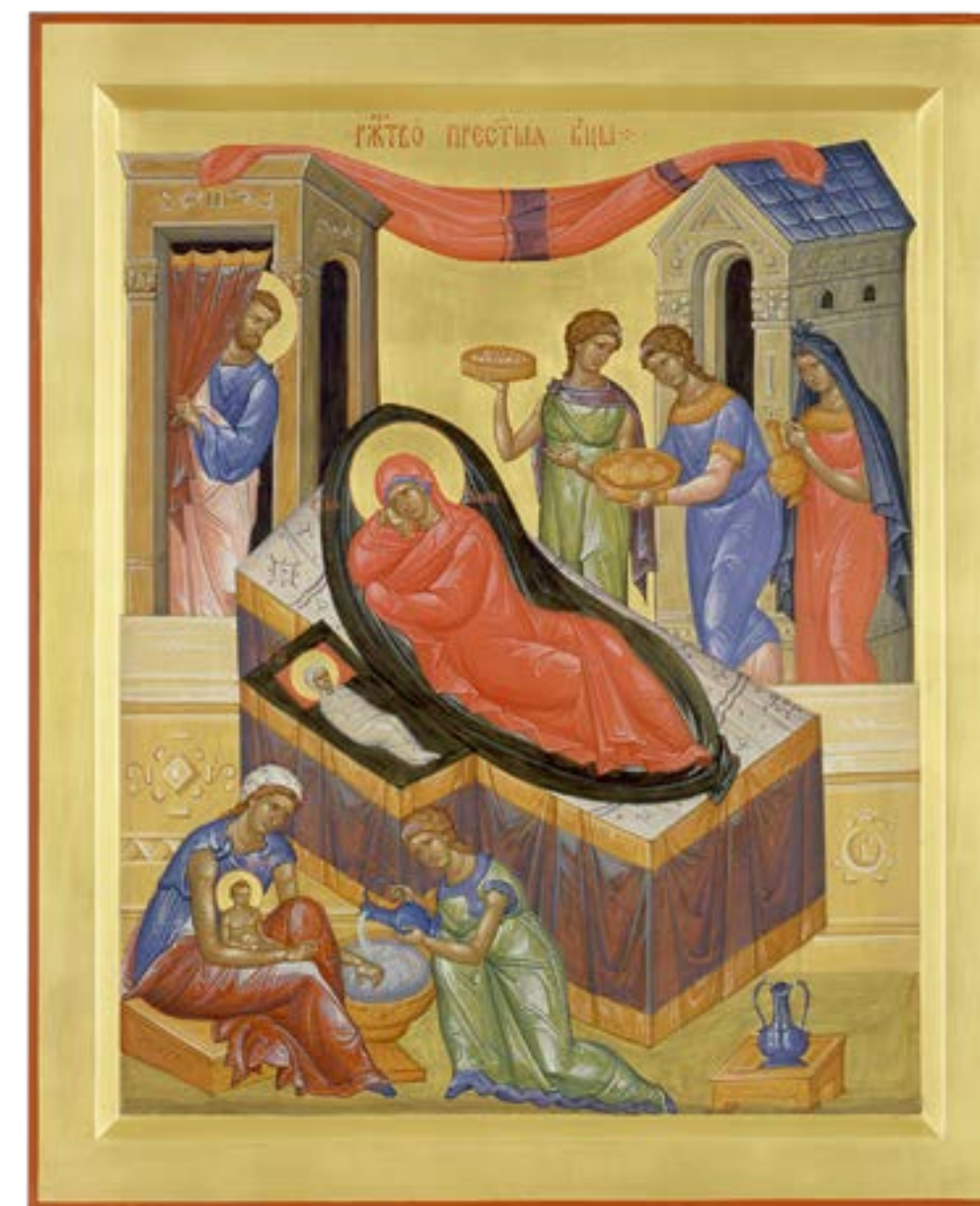
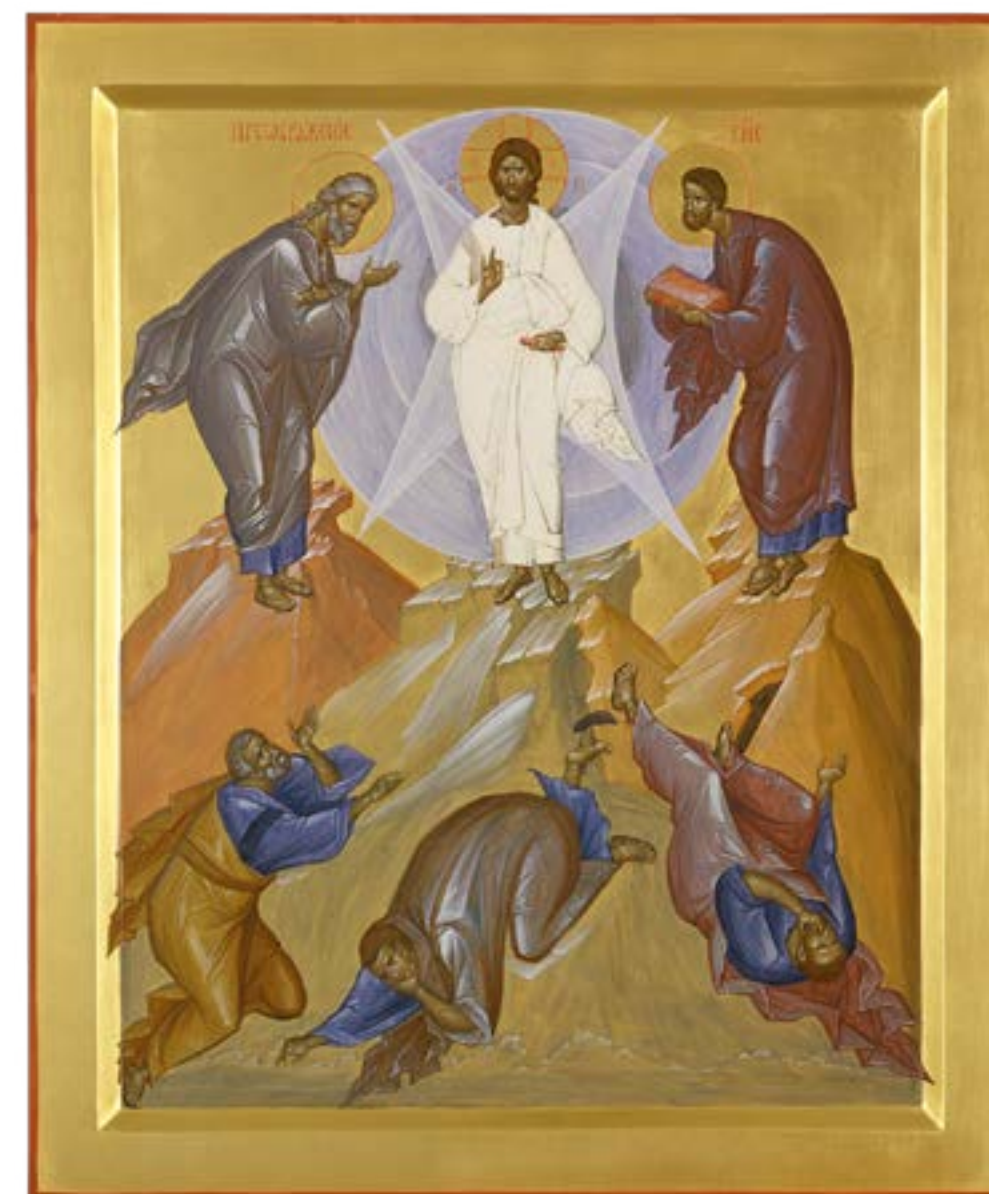


Роспись храма Явления Богородицы
преп. Сергию
Руководитель проекта: А.В.Козлов
2011-2012г.





Преображение 2016 г.



Рождество Богородицы 2016 г.



Введение во Храм 2015 г.



Проект росписи храма
Святителя Николая в Бари.
2014г.



Эскиз интерьера с иконостасом для храма
Святителя Луки Крымского.
2010г.

Анастасия Донченко

Донченко Анастасия Максимовна, родилась в 1990 году в городе Сергиев Посад.

В 2005-м году окончила гимназию №5 и музыкальную школу по классу скрипки. В этом же году поступила в Российский Художественно-Технический Колледж Игрушки. После обучения в колледже поступила и окончила Московский Государственный Областной Университет на кафедре ИЗО и народных ремёсел по специальности "Изобразительное искусство". Защитила диплом по специализации "акварельная живопись".

Занимается фотографией в свободное время. Любимое направление – эмоциональный портрет. Неоднократный участник фотовыставок творческого объединения «Квадратъ», лауреат премии губернатора Московской области «Наше Подмосковье – 2015» ■



Автопортрет



Весна пришла. Прилетели



Димка



За солнышком



Небо близко



Просыпайтесь, люди!



Солнечные



Только вперед



Нежность



Вишневый покой

Никита Александров

Александров Никита Евгеньевич, родился в 1985 году в городе Загорск (Сергиев Посад). Окончил ДХШ №1 города Сергиева Посада. В 2000 г. поступил в АХПК им. В.М. Васнецова по специальности «Художественная обработка дерева». С 2005 по 2010 учился в Московском государственном областном университете. Участвовал в различных выставках г. Сергиева Посада и района, участник фотовыставок творческого объединения «Квадратъ».

В своих фотографиях пытается показать красоту обыденности. Рассказать о том, что интересные сюжеты можно найти в соседнем дворе и даже у себя на столе или подоконнике. Нужно только остановиться и посмотреть вокруг чуть внимательней ■



Автопортрет



Из серии
«Непарадный портрет» №1



Из серии
«Непарадный портрет» №2



Из серии
«Непарадный портрет» №3



Из серии
«Непарадный портрет» №4



Из серии
«Непарадный портрет» №5



Из серии
«Непарадный портрет» №6



Из серии
«Непарадный портрет» №7



Из серии
«Непарадный портрет» №8



Из серии
«Непарадный портрет» №9

Кто о чём

Михаил Белозёров
Павел Алиев
Сабина Саттар

Проблема романа. Modernity

Часть 1 (Михаил Белозёров)

Сегодня, когда мы начинаем говорить о романе, то подразумеваем под этим особую, сугубо русскую, достаточно распространённую форму передачи смыслов. Роман, художественная литература – это эстетическая форма концептуализации, это развитый, лаконичный язык для трансляции опыта личной или массовой экзистенции. В России роман уже давно стал одним из способов раскодирования картины мира русского этноса. Если мы не занимаемся философией – мы пишем романы. Почему так сложилось? – потому что мы так мыслим.

Проза, художественная литература, социальный роман особую популярность стал приобретать в конце XVIII века. В XIX веке благодаря таким столпам русской литературы, как Толстой Л.Н., Достоевский Ф.М. и Гоголь Н.В., роман, как жанр, стал средством выражения всевозможных культурных и национальных концептов и иллюстрации срезов мышления. Пушкин – чёртов гений, придумал особый роман в стихах. Роман позволил найти общий язык интеллигенции, аристократии, нарождающемуся гражданскому обществу. И это происходит при наличии актуальной системы образования. Мы не можем сказать, что российское общество XVII–XVIII веков было необразованным и глупее современного социума. Нет, но они не читали и не писали романов. Им мало знакома такая форма интеллигентной деятельности. Так или иначе, но форма романа

становится подательность, которая позже вырастет в философию. Русская философия и литература, на мой взгляд, выражают совершенно разные типы русского мышления. Роман становится популярен не потому, что русские интеллектуалы не способны были создать философскую систему, а потому что для них это неактуально. Литературный язык, как, прежде всего, эстетический феномен, даёт возможность передать им своё мироощущение в более полной мере – во всех красках. И Толстой, и Достоевский не занимаются философией. Говорить о философии русской литературы, на мой взгляд – некорректно. Можно говорить о мироощущении русских литераторов, но никак не о философии литературы, теме более, как о некоей научной дисциплине. Нет такого предмета. Если мы хотим понять феномен русского романа – следует погрузиться умом и душой в описание природы и человека, который дают русские писатели. То, что открывается нам – наследие мифологического мышления русского человека, который воспринимает человеческую природу как особый психотип, находящийся на стыке женского и мужских начал, и буквально привязанный к Богу, к миру, к земле. Для русской души огромное значение имеют

такие понятия, как «любовь», «связь» (с миром, обществом, землёй), «дух», «лик», «род», «история», «мысль», «Христос», «сказ», «быль», «подвиг», «краса» и пр. Данный ассоциативный ряд выстраивает парадигму русского мифологического мышления. И надо отметить, что, специально или нет – русские интеллектуалы, романисты не смогли разрушить эту парадигму на пути к развитию и прогрессу. Даже коммунизм, который поднял на щиты метод сциентизма и секуляризма, в своей основе оказался типичным мифологическим мышлением. Русский коммунизм, как форма утопии, формируется не на опытной знании, а на аксиоматической вере.

В итоге:

Русская интеллектуальная мысль в XVIII–XIX веках выбирает роман как наиболее понятную ей форму концептуализации. Эта концептуализация не формирует знание в привычном европейском смысле, для которого большое значение имеет опыт и скепсис – объективистский подход. Русский роман – это повествование, а не знание. Это рассказ, иллюстрация, где в полной мере находит отражение сугубо русская картина мира со своим, индивиду-

альным ощущением мира и пониманием места человека в нём. В определенной мере, русский роман можно сравнить с языком кино или фото, не отождествляя эти методы. Мы не пытаемся превратить мир в предмет своей мысли, загнав в его рамки секулярного или естественно-научного мышления, указав границы его объективности. Мир – это не объект. Мы желаем «указать» направление мысли, «показать на» мир, не потеряв связи с ним, как с чем-то глубинно, по-матерински родным. Как для меня моя рука или нога никогда не будет предметом сухого исследования, а прежде всего частью интимного и приватного пространства, также и окружающий меня мир остается для меня «своим». Таким образом, выявляется главная цель русской экзистенции и занятости, нашего «делания»/бизнеса – мы не собственники, мы хранители нашего мира. Точно также, как первоначальное, славянское мышление находилось в договорных отношениях с реальностью, русская мысль XVIII–XIX веков делает своей доминантой уважительное, любовное отношение к бытию, к женскому началу, к Богу, к человеку, к хлебу, к «животинке» – к каждому элементу мировоззренческой сетки. Основная функция русского человека – суга о мире, т.е. деятельная любовь.

И осознавая всю концептуальность русского писательства, русской любви к роману, я с особым трагизмом воспринимаю кризис этой практики. Русский роман is dead. Нет, очевидно, что мы любим писать и нас это увлекает. Улицкая, Рубина, Прилепин, Пелевин, Аставацатуров – русская беллетристика и сегодня продолжает своё существование. Однако, за списком имен и произведений, я не чувствую упомянутой связи с сущим. Говорить о том, что русское мышление сегодня находится в кризисе, что основная наша беда – пирующей свою победу нигилизм, уже не кажется актуальным. Душевный, духовный кризис русского человека, прекрасно проиллюстрированный такими литературными образами, как Базаров, Печёрин и Онегин, существует и сегодня. Ничто не изменилось. Русский человек, находящийся вне развитой системы религиозных, бытовых и политических практик – «дрянь» и даже хуже: нет предела душевному уродству или безумию.

С другой стороны, я не могу сказать, что русский роман погибает только потому, что современная русская, как и общемировая, культура находится в кризисе. Кризис мышления и актуальной

культуры – это условия, в которых формируется современный индивид. Мы пресыщены культурой и образованием, которые закладывает современная система воспитания. Современный индивид изначально формируется, поглощая толщу концептов нашей «богатой» культуры, которая не оказывает совершенно никакого влияния на его ум, душу и психику. Современный человек находится в очередном витке «объективного» мироощущения, но объектами теперь уже выступают те произведения, которые изначально рождались в конфронтации с таким подходом. Каждый из

нас читает книгу, но не произведение искусства, литературы, часть национальной культуры. Роман умирает, потому что перестал быть живой материей, перестал коммуницировать со своей целевой аудиторией. Он – предмет нашего изучения, а не источник мировоззрения и установок воспитания. Мы отказываемся от него как от формы культурной связи с обществом, космосом и окружающим миром. Ветвь, оторванная от дерева, быстро засыхает и умирает. Это ожидает и нас.

В тоже время, будет неправильно говорить,



фото: Дмитрий Рябухин

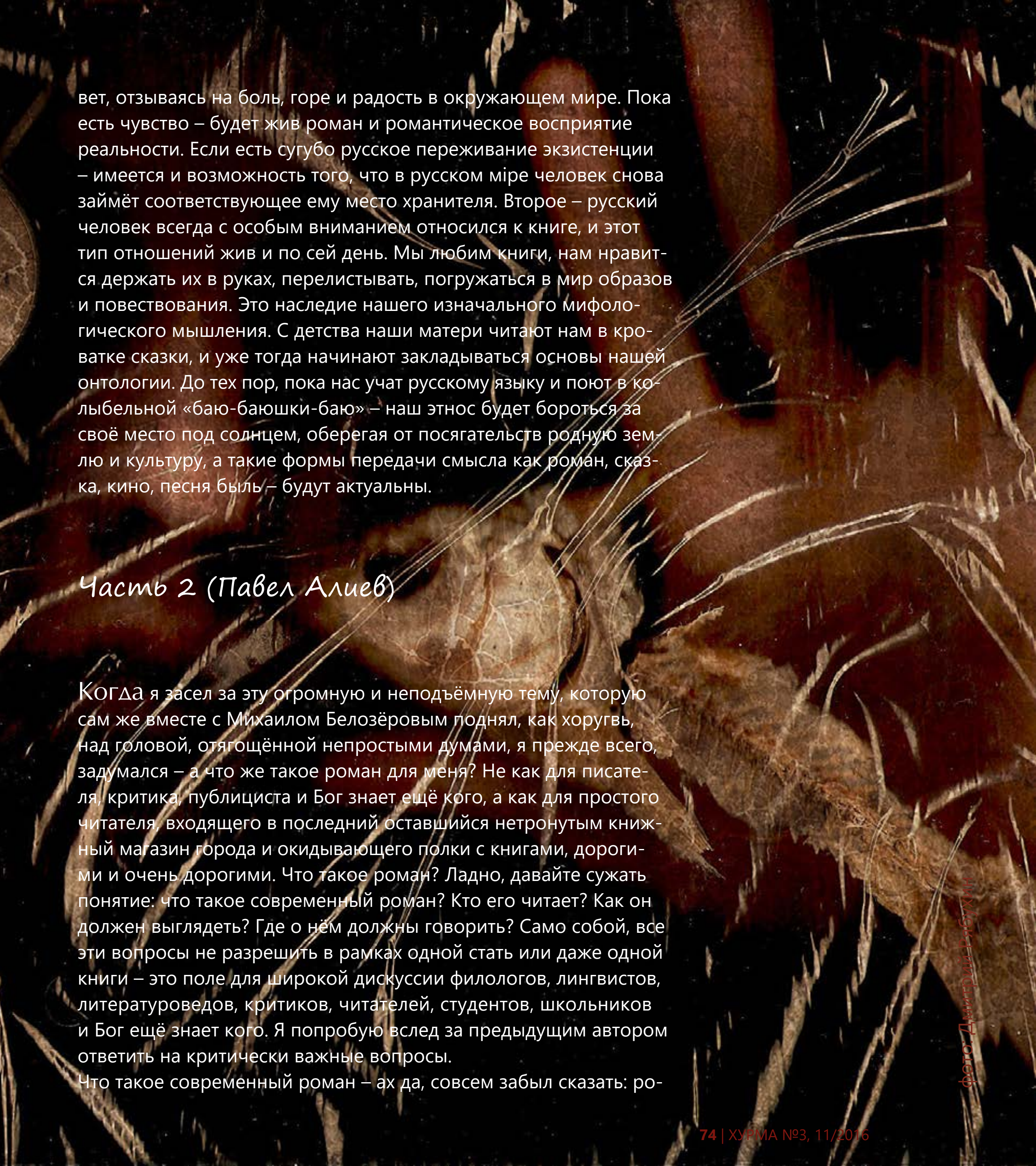
мол, современная литература – это классика будущего времени, что спустя некоторое время Прилепин станет вторым Шукшиным, а Улицкая новым Тургеневым. Давайте серьезно – когда Достоевский написал «Бедные люди» в 1841 году – задолго до «Идиота» и «Бесов», он прогремел на весь Петербург. Его уже тогда назвали «вторым Гоголем» и носили на руках. Да: после устроили активную обструкцию, но лишь потому, что осознали всю высоту его гения. Если бы среди нас были бы Толстые и Достоевские – мы бы знали об этом. Их нету. По каким причинам? – ни у кого из нас не болит душа. Мы – поколение чёрствых душевно и беззаботно веселящихся граждан нового времени. А вот у Достоевского и Гоголя – внутри болело, потому что они понимали, что жить – это болеть, работать душевно каждый день, испытывать себя и окружающий онтологический мир на прочность. Для них было очевидным, что жить следует проблемно. К вопросу о том, что мы живём в эпоху прогресса: 200 лет назад в России было больше умных гуманистов, чем сейчас. Основной вид человеческой деятельности, как психо-биологического вида – это душевная работа. Человек призван к тому, чтобы думать и создавать концепты. Если он этим не занят хоть в какой-то мере – смысл его существования сводится к нулю. Нет продукта человеческой деятельности в виде «смыслов» – нет человека. Человек появляется только тогда, когда он начинает работать своей душой. И поэтому русский роман – всегда результат вымученной, личностной работы на пределе своих интеллектуальных и душевных возможностей. Хорошую, душевную книгу можно написать, только «помучившись» и «пострадав», только исследовав свою собственную душу на предмет наличия или отсутствия в ней русской «нежности» и человечности. Именно этим полны книги Достоевского и Толстого. Я не могу сказать, что также is dead и русский человек, поскольку вижу в современной мировоззренческой сетке ещё огромное количество сугубо национальных элементов. Однако, современные литераторы, особенно критики, все больше пишут не о том, что любят, а о том, что ненавидят. И в этом ещё одна причина кризиса художественного искусства, в принципе. Нам кажется это очень умным – писать критические опусы в отношении нашего поколения и страны. Эта особая форма грубой любви (любви-ненависти) свидетельствует об инфантильности современного русского человека. Цинизм – не самое хорошее качество, однако,

именно оно является доминантой нашего мышления сегодня. Цинизм выхолащивает душу, точно также, как и сугубо объективистский, научный подход.

Еще одна причина смерти этого вида художественного искусства – упование современного человечества на всемогущество науки. Мышление человека загнано в узкие рамки таких дисциплин, как психология, социология и биология. Человек, как душевный тип, как мыслящая субстанция, не изучается современной наукой, потому что не является проблемой. Наука сегодня занимается не тем, что изучает человека и окружающий его мир, а борется с насущными бедами его существования, благо их имеется не мало. Это кризис уже не человека модерна и не смерть мифологического мышления, а конец эпохи гуманизма, к риторике которой взывают сегодня так часто европейские и американские политики. Основной вид занятости для гуманиста эпохи Ренессанса – это творчество, душевные поиски, занятие искусством и историей, антропологические поиски. Ренессанс видел своей целью формирование нового типа человека – человека духовного, рыцаря добродетели (virtu). В этом плане риторика Ренессанса схожа с христианской аскетикой. Европейцы прошлых двух тысячелетий жили и мыслили себя людьми «добра», для них главное целью было добродетельное поведение в отношении окружающих и душевное самовоспитание, которое было тесно связано с практиками искусства. Тот факт, что мы сегодня делаем ставку не на гуманитарные дисциплины, а на естественно-научный подход, говорит о серьёзной душевной болезни человечества. Мы перестали понимать, что такое искусство и литература, уповая всё чаще на всемогущество высушенных методов сциентизма. Человек без души – лишь система биологических и психологических паттернов, т.е. машина жизни. Наступает душевная смерть человечества. Если в нынешнем столетии нас не ждёт Новый Ренессанс или Новое Средневековье – человеческое общество, социум окончательно умрёт, оставив взамен совокупность замкнутых и чуждых друг другу индивидуумов.

Какие перспективы у русского романа, как метода выражения сугубо национального мышления? – их немного, но они достаточно прочные. Во-первых, я считаю, что русское сердце или душа бездонны в своей любви к миру и человеку. Русское сердце, как источник нашего мировоззрения, всё также бьется и жи-





вет, отзываясь на боль, горе и радость в окружающем мире. Пока есть чувство – будет жив роман и романтическое восприятие реальности. Если есть сугубо русское переживание экзистенции – имеется и возможность того, что в русском мире человек снова займёт соответствующее ему место хранителя. Второе – русский человек всегда с особым вниманием относился к книге, и этот тип отношений жив и по сей день. Мы любим книги, нам нравится держать их в руках, перелистывать, погружаться в мир образов и повествования. Это наследие нашего изначального мифологического мышления. С детства наши матери читают нам в кровати сказки, и уже тогда начинают закладываться основы нашей онтологии. До тех пор, пока нас учат русскому языку и поют в колыбельной «баю-баюшки-баю» – наш этнос будет бороться за своё место под солнцем, оберегая от посягательств родную землю и культуру, а такие формы передачи смысла как роман, сказка, кино, песня быль – будут актуальны.

Часть 2 (Павел Алиев)

КОГДА я засел за эту огромную и неподъёмную тему, которую сам же вместе с Михаилом Белозёровым поднял, как хоругвь, над головой, отягощённой непростыми думами, я прежде всего задумался – а что же такое роман для меня? Не как для писателя, критика, публициста и Бог знает ещё кого, а как для простого читателя, входящего в последний оставшийся нетронутым книжный магазин города и окидывающего полки с книгами, дорогами и очень дорогими. Что такое роман? Ладно, давайте сужать понятие: что такое современный роман? Кто его читает? Как он должен выглядеть? Где о нём должны говорить? Само собой, все эти вопросы не разрешить в рамках одной статьи или даже одной книги – это поле для широкой дискуссии филологов, лингвистов, литературоведов, критиков, читателей, студентов, школьников и Бог ещё знает кого. Я попробую вслед за предыдущим автором ответить на критически важные вопросы.

Что такое современный роман – ах да, совсем забыл сказать: ро-

ман – это не жанр литературы и даже не направление, хотя формально так оно и есть, но нет, роман – это целая философская система, это слепок с нашей с вами жизни, констатация факта, вердикт и безапелляционный приговор обществу, в котором живёт автор на момент написания романа. Можно долго и бесконечно рассуждать о том, что у нас романы пишут, и пишут многие авторы (я сейчас не говорю о чтиве под названием «любовный роман», оно не из нашей оперы). Пишут романы и Захар Прилепин, и Татьяна Толстая, и Людмила Улицкая, и много кто ещё. Можно бесконечно спорить о литературной и филологической ценности их произведений, осуждать или критиковать, но факт остаётся фактом – ни один из современных романов не стал Романом, не стал символом эпохи, не стал точкой пересечения миллионов судеб и мыслей. Кто-то может сказать, что нынче не те времена, и возможно, истинное искусство где-то в глуши, и что, возможно, именно в эту самую минуту талантливый прозаик из глубинки дописывает свой будущий шедевр, или уже давно написал, да всё никак не явит миру. И вот тут-то главная наша с вами трагедия, потому что современному писателю нам с вами нечего явить. Творцы ещё пишут, а люди по инерции ещё читают, но диалога нет.

Когда я захожу в книжный магазин любого ранга в любом городе я вижу одно и то же: пару-тройку поклонников фэнтези, одного-двух школьников и студентов, ищущих узконаправленный материал, и ни одного читателя. Ни одного. Я не вижу тех, у кого в глазах горел бы огонь неугасимой жажды узнать и постигнуть. Да, писатели пишут то, что у них лучше всего получается, и Акунин не станет вдруг Тургеневым, а Донцова – Артуром Конан Дойлом, но если собрать всю волю в кулак и спросить самих себя «кто вино-

ват в этом, кто виноват, что современного романа, как отпечатка нашей с вами эпохи, нет», а литература-культура-искусство больше похоже на загнанное панургово стадо, изредка получающее кнут и корм, то ответ на это будет «мы сами». Мы же ведь сами не знаем, что такое эта самая жизнь и как её прожить, не знаем, откуда пришли и куда идём, какие наши с вами девизы и знамёна, и чего миру ждать от нас... Отсюда и полная аморфность литературной жизни, когда нет ярких вспышек, а есть такой ровненький свет (как утром на излёте октября, ну ведь помните, да?), и вот однажды, возможно, этот ровненький свет сменится холодной и безальтернативной тьмой. Мы всё ещё думаем на родном языке, мы всё ещё читаем на родном языке, и ещё немного поём песни на родном языке. Но писать романы-эпопеи, романы-философские системы мы уже разучились... К чему бы это? Я знаю, что критиковать и кричать о проблеме не значит решать эту проблему, и если врач каждое утро ставит больному градусник, а потом говорит «у вас 37,8 и снова жар», но не даёт нормальных лекарств, то он и не врач вовсе, но как же не хочется видеть процесс распада русской философской системы, где роман был краеугольным камнем, манифестом и энциклопедией нашей с вами жизни. Я хочу, я буду верить, что когда-то такой роман вернётся, и о нём заговорят громко и во весь голос все СМИ от блогов и влогов до медиахолдингов, заговорят не как сейчас принято говорить о культуре – слегка с пафосом и без содержания, а с полным осознанием масштаба событий. Ведь роман – это не десятилетие. Это на эпохи. ■

Сабина Саттар

Очерк о «Ладье Харона»

Испанская живопись второй половины XIX века не несёт на себе отпечатка мучительного похмелья после триумфального сияния Гойи. В едва различимых между собой полотнах Рикардо Лопез Кабрера, Рафаэля Фернандеса Аррио, Хосе Аранды и многих других мы видим одну и ту же пёструю игру красок, буйство жизни, герлянду праздничных мажорных деталей быта. Мы разглядываем всю эту череду дешёвых открыточных сюжетов, пытаясь представить себе художника, терзаемого непреодолимой потребностью нарисовать очередную сценку из городского увеселительного репертуара.

Впрочем, вероятно, мы поспешили с выводами и нам необходимо вернуться на пару шагов назад. Итак, могучий Гойя не отбросил на последующие века огромной тени, не гонялся призраком за испанскими художниками XIX века. Благо, Гойя и не был единственным живительным источником вдохновения: художник, о картине которого мы сейчас поведем речь, находил примеры для подражания в более далёком от него прошлом – в живописи испанского Золотого века.

Хосе Бенльури-и-Хиль родился в 1855 году недалеко от Валенсии. Ему повезло не только с семьёй, которая впоследствии дала ещё двух известных скульпторов, но и с преподавателем: талантливому мальчику учил живописи признанный мастер кисти Франциско Доминго Маркес, который не забывал и о том, что нелёгкий труд художника должен соразмерно оплачиваться. Через несколько лет преподаватель переезжает в Мадрид, получив крупный государственный заказ, через некоторое время там его навещает и 16-тилетний Хосе. Именно в Мадриде он имеет возможность приобщиться к национальному художественному наследию, особенно молодого живописца увлекают представители



Хосе Хиль
«Ладья Харона»

мадридской школы во главе с незабвенным Веласкесом. Мы можем удовлетворенно кивать головой, представляя себе юношу, жадно впитывающего краски и образы лучших представителей живописи испанского Золотого века. Но вот мы в предвкушении открываем стройный ряд картин самого Бенльури-и-Хиля, ищем глазами тяжеловесную упругую грацию Веласкеса, мрачную утонченность Хуана Кареньо де Миранда, подвижную угловатость Антонио Пуга, игривую, застенчивую пластику Алонсо дель Арко, но... Впрочем, здесь мы оговоримся: Алонсо дель Арко, как и Веласкес, проникли в ум юного Хосе Бенльури-и-Хиля своими сюжетами, а в частности, впечатлили портретами католических

духовных лиц. И это – всё. Ранний портрет отпрысков королевской семьи, серия городских и деревенских будничных сюжетов, раскрашенных самыми мажорными красками палитры, несколько непримечательных светлых портретов и столь же благодатно-светлые, скромно сияющие картины церковного быта. Не станем останавливаться на них, нас интересует одно из немногих темных пятен в этом празднике жизни, запечатлённом на полотне: речь пойдет о знаменитой «Лодке Харона» 1919 года. Внимательный читатель должен был споткнуться об эту дату. Умиротворяющая повторяемость цифр не может обмануть образованного человека, он сразу поднимет глаза, чтобы перечитать общую характеристику живописи Испании того времени. Празднично, светло, свежо, красочно, пёстро – неужели это всё конец XIX–начало XX вв.? Или, может быть, Испания была островком спокойствия в бушующей алчной агрессией Европе времен Первой Мировой войны? Увы, сказать так нельзя – Испания принимала участие в войне на стороне Антанты и вышла из неё потрёпанной экономически, неся в себе зёрна грядущего политического и идеологического кризиса. Националистические распри достигают пика в первые два десятилетия XX века, скоро они обретут устойчивое официальное имя, звучащее как «Сущность Испании» (исп. *Ser de España*), а после и воплощение в виде кровопролитной гражданской войны. Но в работах живописцев того времени – ни отзвука, ни камушка, ни всплеска, седативное изображение радостных плясок, счастливых и довольных испанских лиц. Среди всего этого шумного пира выделяется энергичная, яростная фигура Харона, раздражительно, почти злобно запуская своё весло в мифические воды Ахерона. В его потрёпанной лодке, обглоданной монолитно-гладкой водой, светятся бестревожные души немногих праведниц, окруженные скорбными фигурами искаженных, убогих, болезненных душ. Мы видим костистые их пальцы, серые и чёрные одежды, изуродованные лица. Безразличен Харон к тем, кто остался в воде, кто-то из них уцепился отчаянно за верёвку, кто-то оказался на пути лодки и с ужасом ждёт своей участи. Есть и вовсе, окончательно покинутые, оставленные в воде, умершие в процессе этой жестокой переправы в мир мёртвых, их тела ещё больше приближают вид Ахерона к обычному состоянию реки Ганг.



Опережая друг друга, толкаясь, сливаясь в единый дымный сполох, летят на заднем плане души умерших – ещё один способ достичь того берега, на котором забвение, смерть, покой. Мы не видим на этой картине испанских лиц – видим лишь души, универсальный общеевропейский типаж, общечеловеческие гримасы скорби, тревоги, ужаса. Где-то там, вдалеке есть сновиденный желанный «Остров мертвых» кисти Арнольда Бёклина, на котором успокоительно высятся скалы, добродетельно и мягко оттеняют их траурные кипарисы, не бьётся пульс волн вокруг, и упоительная чернота встречает усталую душу. Но и до этой заслуженной, обетованной земли надо добраться через бушующее человеческим страданием русло, довериться гневному, величественному Харону, возвышающемуся над душами. Сумрачная усталость сквозит в этой картине, давая нам представление о настоящем хриплом, тревожном голосе эпохи. Никаких дальнейших еретических параллелей – наша мысль остановится пусть на этом упоительном созвучии исторических данных и художественных плодов начала XX века. Не вправе мы следовать дальше по этому пути сопоставления и сравнения, поиска духа времени в свободлюбивой творческой руке, но в качестве любознательного, тоскующего по истине в истории и истории об истине, сытого информацией потомка мы ищем созвучия, проясняющие картину, мы ищем закономерности, ищем симметрию среди хаоса. И, скорее всего, ошибаемся ■

Хосе Хиль
«Ладья Харона»
(фрагмент)

Точки пересечения

Александр Ананичев
Алексей Хропов
Виктор Степаненко
Иван Ганин
Людмила Клочко
Хельта Машкара

Александр Ананичев

г. Сергиев Посад
ananichev1970@mail.ru

«Каким я вижу будущее литературы? Есть ещё время многое исправить...»



Этот человек ворвался в творческую жизнь Сергиева Посада стремительно, сразу и навсегда оставив неизгладимый отпечаток в литературных скрижалях России. Его слова и строфы можно было услышать везде – от мажорных конкурсов, где он судействовал до самых неформальных встреч и

тусовок. Поэт Александр Ананичев помогал и помогает тем, кто только делает первые шаги в мире поэзии, так же бескорыстно и беззаветно, как когда-то помог вашему покорному слуге и встававшему на ноги «Квадрату» ...

Александр, в какой момент жизни ты понял, что точно хочешь связать свою судьбу с литературой вообще и поэзией в частности?

Увидев положительную рецензию на свои стихи Юрия Кузнецова после двух лет обучения на Высших литкурсах в Москве. **Кого из мировых и русских писателей ты бы мог назвать своими наставниками?** Пушкин, Есенин, Гумилёв, Рубцов, Владимир Соколов, Юрий Кузнецов.

Каким ты видишь будущее нашей литературы? И вдогонку: какое место в структуре общества ты бы отвёл поэтам, художникам, музыкантам – всем тем, кто творит искусство?

Место – главенствующее. Но, к сожалению, искусство, в особенности литературное творчество, сегодня не опекается государством. В результате государство лишилось важнейшего помощника в самой важной сфере – воспитательной. Такая власть, увы, обречена. Но есть ещё время многое исправить.

Весной пишется или писалось лучше, чем в другие времена года? Что вообще вдохновляет на новые строки и рифмы?

Время года не имеет значения. Чтение, общение, дорога.

Какие значимые проекты случились в твоей литературной жизни за последние пару лет?

Участие в фестивалях поэзии: в Якутии и Рязани, издание нового номера литературного журнала «Сергиев».

Над чем сейчас ты работаешь?

Над книгой прозы «Лучшие слова в лучшем порядке». Книга посвящена поэзии, тайне её рождения и особенного воз-

действия на людей. Состоит из нескольких глав, посвящённых проблемам стихотворчества, инструментовке стиха, находках и огрехах, обычно встречающихся не только у начинающих авторов, но и у известных мастеров. Книга уже почти готова, написана в виде очерковых зарисовок, сохраняющих доверительную интонацию по отношению к читателю. Разговор о литературе и поэзии, в частности, перемежается с воспоминаниями о литературных поездках и встречах с такими писателями современности, как Юрий Кузнецов, Тимур Зульфикаров, Александр Бобров, Лев Котюков, Римма Казакова, Ивайло Петров (Болгария), Аркадий Мар (США)...

Литературная жизнь Подмосковья и Москвы, несомненно, отличается. Как бы ты охарактеризовал ситуацию конкретно в Сергиевом Посаде и каковы принципиальные различия?

В конце 1999 года благодаря настойчивости поэта Владимира Сосина и поддержке Союза писателей России в нашем городе появилась писательская организация. Вообще-то для нас было сделано исключение – ибо Сергиев Посад, как и десятки районных центров Подмосковья, находится в непосредственном подчинении Подмосковной писательской организации, возглавляемой Л.Котюковым. Но решение было принято.

Зачем нужно было создавать писательскую организацию в Сергиевом Посаде?

Приподнять планку, повысить статус нашего посадского литературного сообщества, а вместе с тем и самого Сергиева Посада. Ведь нет писательской организации в Дмитрове, где живет поэтесса Татьяна Смертина, или в Коломне, где не менее известный поэт – Владимир Дагуров, или в Волоколамске, где творит Александр Ивушкин... Защищать права и интересы писателей, находить дополнительные источники финансирования для издания новых книг несколько сподручней для литераторов, выступающих от имени общественной организации.

Конечно, время нынче не самое благоприятное для развития и пропаганды достойной литературы. И чиновнику, занимающему место в кабинетах Администрации города или района все равно, с кем он имеет дело – с представителями литературного объединения или писательской организацией. Помощи ждать нашим литераторам, фактически, неоткуда.

Если в бюджете города и района нет денег на издание посмерт-

ных книг лучших поэтов города, что говорить о ныне живущих! Каждый выбирается из этой ситуации самостоятельно. Конечно, это обидно. Не меньшая досада возникает оттого, что в списках творческих групп, путешествующих вместе с городскими чиновниками по стране и многочисленным городам-побратимам нет ни одного писателя. Художники, певцы, музыканты, артисты едут в Сербию, Германию, Польшу... А писателей в этой компании нет. Неужели живое слово не востребовано в России и за её границами? Наши авторы могли бы не только выступить перед любителями поэзии, но и откликнуться об увиденном стихами, статьёй, рассказом...

Литературная жизнь в нашем городе и районе, несмотря ни на что, набирает обороты: плодотворно работает ЛИТО «Свиток», а также «Виток» (г.Пересвет).

Очередной номер журнала «Сергиев» (кстати, первого литературного журнала на посадской земле!) подготовлен совместно с молодёжным творческим объединением «КвадратЪ», активно занимающимся пропагандой культуры и литературы в Сергиево-Посадском районе.

«Свиток», «Виток», «КвадратЪ» - творческому человеку есть место, где развиваться.

Ты довольно часто помогаешь молодым, начинающим авторам, когда-то оказал огромную поддержку и мне. Можешь дать всем тем, кто только вступает на тернистый путь литературы, один-единственный совет?

Не сдаваться, не опускать руки. «Душа обязана трудиться и день и ночь, и день, и ночь...»

Что можешь пожелать «КвадратЪу», журналу «Хурма» и его читателям?

Свежего ветра, уважения к традициям. А ещё надежды, а ещё любви...

Беседовал Павел Алиев ■

Алексей Хропов

г. Москва
vk.com/pessimister

Биографично

Доселе кроили мы ткань для кулис,
Однако, затеяв себя бенефис,
Опомнились: всяк
Морально иссяк.

Устав из «хрущёвских» избушек глазеть,
Жонглируя сплетнями «жёлтых» газет,
Отдаться любви
Желали, как вы.

С пророчествами, что хандра запретит
Недюже плохой утолять аппетит,
Цедили коктейль
Стряпни и гантель.

Но, выпятив шквалы амбиций стремглав,
Першить в унисон горлу зависть могла,
Когда эгоизм
Стал выше харизм.

Мы мялись у чаш зодиака: кто «за»,
Кто «против» вакансий просиживать зад
Над пазлом наук,
Похерив досуг?

А, взвесив, мытарство жалели своё.
Оно аккурат нарекалось нытьём.
Взаимный игнор
Забвением скор.

Кумирам попсы даже брезговать – влом
Репризами о пресловутом былом,
Покуда клялись
Масла красить кисть.

Мы этим художникам ставили шах,
Куплеты рисуя в витийных стихах
На нотном холсте.
Альбом потолстел.

Одиночество

Одиночество, одиночество –
Друг без имени, друг без отчества.
Абсолютное единение:
И телесное, и во мнениях.

Одиночество, одиночество
Ведь из тех рядов, коим хочется
Доминировать, слепо шефствовать
Доли времени по прошествии.

Одиночество монохромное!
Распростёрлось ты, словно кронами,
По истоптанной мною радуге,
То ли мучая, то ли радуя.

Одиночество аномальное –
Безвеличия это мания.
Генерирует явь, отчаянье
Бумерангами возвращая мне.

Одиночество, кровь сосущее, -
Дело хаоса, дело случаев.
Тех, когда любовь с ликом Дракулы
Оставляет после лишь вакуум.

Одиночество окаянное!
Не дождёшься ты покаяния,
Если брать с меня больше нечего.
Всё разграблено, изувечено.

Одиночество, одиночество!
На твоих руках я полночи спал.
На твоих руках – гробовом одре –
Тривиально жалок, летально трезв.

Одиночество – признак немощи,
Что ютится где-то во сне мужчин,
Бережит рубец самолюбия.
Одиночество – штука лютая.

Одиночество рода среднего –
Аскетичная точка зрения.
Разделяют странное мнение
Только разово или менее.

Одиночество – хрестоматия.
Простудировав, понимаю я
Перечисленные синонимы.
Выбираем их всё равно не мы.

Постскрипtum

Наслаждаюсь огарком заката.
Знак субботы, оставшись за кадром,
К воскресенью транзитом несётся.
На ладонь опускается Солнце.

Мы – в разлуке, присутствуя где-то.
Завывают, тоскою раздеты,
Обнажённые мысли-дворняги,
Силуэты черта на бумаге.

Эх, вдохнуть полной грудью бы космос
И Комете расчёсывать космы!..
Ведь она манит ласковым жестом
Прямо с неба, знакомо, по-женски.

А пока свой редующий хаер
То хвалю, то отчаянно хаю.
Новый день половицами скрипнул,
Беспардонно закончив постскриптум ■



иллюстрация Арсения Глазунова

Виктор Степаненко

г. Орехово-Зуево
vk.com/arhipelag_lit

* * *

Снегом припорошены божи горюхины.
Кто на рынок катится, кто ещё куда.
Бедному подумалось, что мы Богом брошены.
Миром правит денежка! Амба, господа.

Государства славные разлетелись в крошево.
Не собрать осколочки и не склеить их.
Честному подумалось: если вспомнить прошлое,
Будто бы совсем уже нет Руси на них.

Не важны лихие нам мировые казусы.
Воскресенье светлое – светлый выходной.
Солнце светит яркое у Христа за пазухой.
Выйдем, да помолимся, и пойдём домой.

Светом припорошены божие горюхины.
По дорогам катятся и по городам.
Глупому подумалось, что мы Богом брошены.
Если так и есть сейчас, то не навсегда.

Спойлерили трейлерами

Трейлерами спойлерили,
В кости проигралась.
В будущее верили ли?
С прошлым расставались.

Выпивали граммами,
Сигареты тлели.

Многим узнаваемые
Под гитару пели.

Тайною повязаны,
Мы рассвет встречали
Сверхцветными образами
И архиречами.

Всё проходит. Ложное
Остаётся в прошлом.
В сложном настоящем
Будем осторожны.

Посвящение

Бегемоту, Булгакову и всем,
кто тогда был с ними.

А рукопись, и правда, не горит.
Я жёг! Напрасно зажигалкой клацал.
Как по рецепту: ночь, камин чадит,
И чёрный дым из труб San Pietro Piazza.

Тип в клетчатом кургузом пиджаке
Подбрасывал, смеясь, в огонь поленья.
Но на бумаге не было ни тленья.
Как будто Он был в том черновике.

Тень женщины какая-то в тряпье
Кричала, что её за всё простили!
А кот, с мордашкой точно пресс-папье,
Следил за этим как бы водевилем.

И Он там был! Как призрак во плоти,
Сидел в углу, поигрывая тростью.
А лунный свет, как свет в конце пути,
Светил на нас незыблемо и просто ■

Иван Ганин

vk.com/theyaki

«Яки» – это яркое слово!»



Несколько лет назад я встретил его в сквере у Скитских прудов, потому что он давал бесплатный мастер-класс по игре на этнических барабанах, было жаркое лето, делать было решительно нечего, и я рванул на Скитские. Так началось наше долгое и плодотворное сотрудничество в разных проектах и мероприятиях. А через пару лет на музыкальной сцене вошла яркая звезда под названием «ЯКИ», и звезду эту зажжёт именно он, Сергеево-Посадский

барабанщик, гитарист и поэт Иван Ганин. С ним я сегодня и общаюсь: о творчестве, о мнении публики, о трудных временах и, конечно же, о «ЯКАХ».

Ваня, то, что ты отличный барабанщик, который сам делает джембе, и сам на них играет, не секрет для многих. А как возникла идея собрать группу?

Случайно вышло. Сначала я решил придумать пару песен. Когда их набралось 5 штук, пошёл в студию записываться, где случайно встретил саксофониста Егора. Попросил его подыграть и так всё завертелось. **Вопрос, который волнует всех нас: почему именно «Яки»?** Идея пришла во время путешествия по Непалу, там очень много яков. В их глазах отражается вселенная. Они крутые. Потом «ЯКИ» — это ещё и самолёты, и племя индейцев, и по-японски означает – «жареный». Яркое слово.

Что для тебя и твоих товарищей важнее – быть услышанным и понятыми или делать то, что нравится вам, невзирая на мнения других?

Главное ловить кайф от музыки. Мы не обязаны нравиться всем подряд. У нас есть свои слушатели, и мы рады играть для них. А обращать внимание на пустую болтовню у нас нет времени.

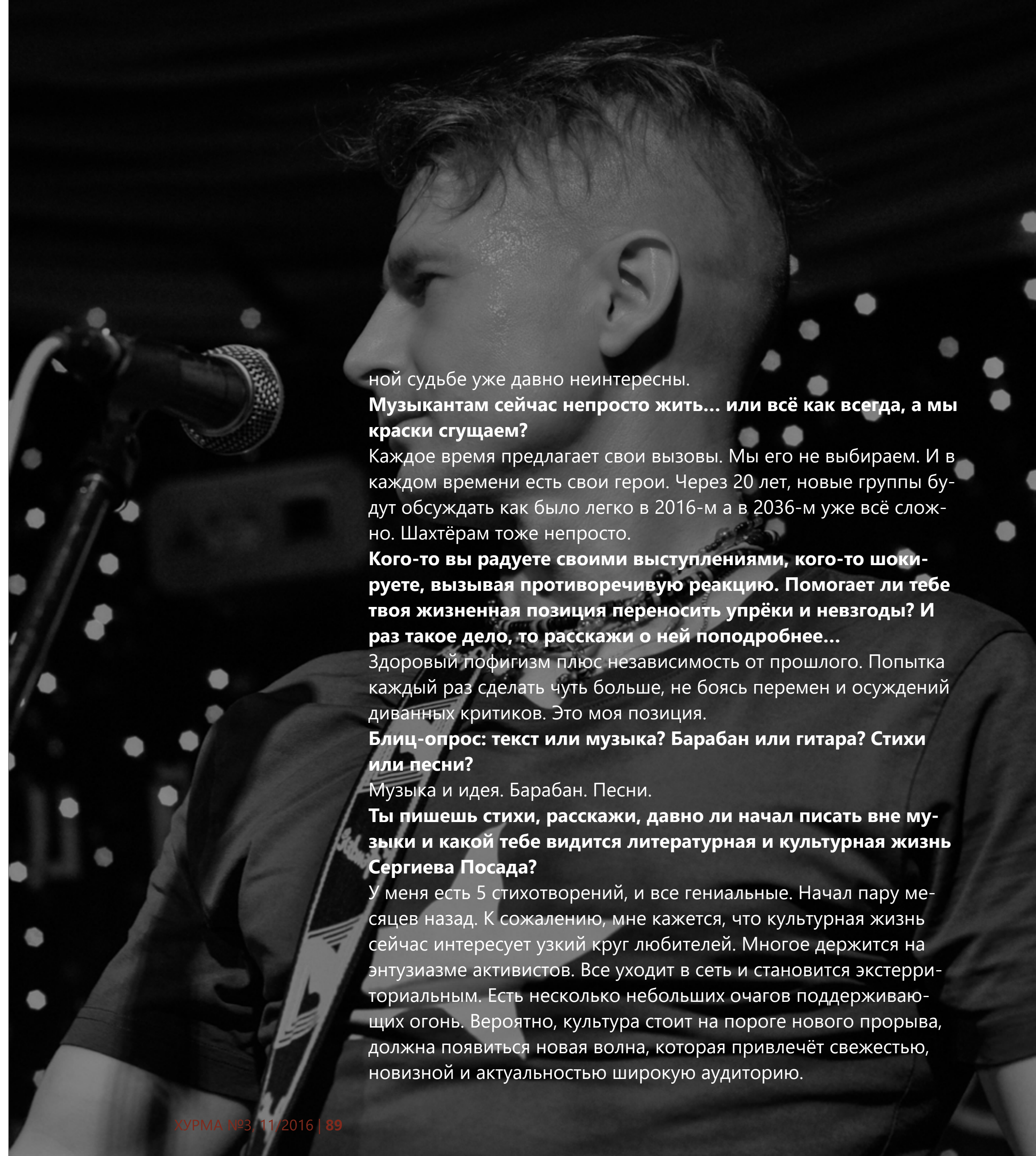
Дебютный альбом вышел, концерты-презентации отгремели... Что дальше?

Готовимся к записи следующего релиза. Есть идеи и понимание, куда мы хотим двигаться касательно музыки и звучания. **Есть чувство удовлетворённости от проделываемой работы?**

Удовольствие мы конечно получаем. Но до полного удовлетворения далеко. Есть много вещей над которыми надо работать.

Эпатаж для тебя – это часть философии или часть концертной программы?

Я не считаю себя эпатажным, просто не стесняюсь своих желаний. Но серые люди боятся таких проявлений. Искусство должно быть вызывающим, оно должно вскрывать раны общества или открывать новые горизонты. Скучная музыка и стандартные тексты о несчаст-



ной судьбе уже давно неинтересны.

Музыкантам сейчас непросто жить... или всё как всегда, а мы краски сгущаем?

Каждое время предлагает свои вызовы. Мы его не выбираем. И в каждом времени есть свои герои. Через 20 лет, новые группы будут обсуждать как было легко в 2016-м а в 2036-м уже всё сложно. Шахтёрам тоже непросто.

Кого-то вы радуете своими выступлениями, кого-то шокируете, вызывая противоречивую реакцию. Помогает ли тебе твоя жизненная позиция переносить упрёки и невзгоды? И раз такое дело, то расскажи о ней поподробнее...

Здоровый пофигизм плюс независимость от прошлого. Попытка каждый раз сделать чуть больше, не боясь перемен и осуждений диванных критиков. Это моя позиция.

Блиц-опрос: текст или музыка? Барабан или гитара? Стихи или песни?

Музыка и идея. Барабан. Песни.

Ты пишешь стихи, расскажи, давно ли начал писать вне музыки и какой тебе видится литературная и культурная жизнь Сергеева Посада?

У меня есть 5 стихотворений, и все гениальные. Начал пару месяцев назад. К сожалению, мне кажется, что культурная жизнь сейчас интересует узкий круг любителей. Много держится на энтузиазме активистов. Все уходит в сеть и становится экстерриториальным. Есть несколько небольших очагов поддерживающих огонь. Вероятно, культура стоит на пороге нового прорыва, должна появиться новая волна, которая привлечёт свежестью, новизной и актуальностью широкую аудиторию.

Если вспомнить, что ты часто выступаешь в Москве, то сравнивая не только публику на концертах, но и культурное окружение, поделись мнением: где тебе комфортней?

Везде комфортно. Это скорее зависит не от города, а от атмосферы на мероприятии. Но ведь это первая задача артиста – создать атмосферу.

Расскажи вкратце о планах на лето-осень.

Будем делать музыку, играть концерты. Съезжу в Крым.

Что пожелаешь «Хурме» и нашему объединению «КвадратЪ»?

Хурме желаю, чтобы не вязала) Побольше читателей. А «КвадратЪ» желаю попасть в учебники будущего, как культурное объединение, в котором принимали участие такие гении как...

Беседовал Павел Алиев ■



Людмила Клочко

г. Минск
vk.com/by_klochko

Спи, мой сын.
Походи по воде.
Поднимись на высокую крышу.
Ты увидишь, как время стоит.
Ты увидишь, что мир одинок.
И как только ты вздрогнешь —
Я сразу приду. Я предвижу!
Я тебя успокою
И лягу собакой у ног.

Спи, мой сын.
Ты увидишь, как лес
Вырождается в дикое поле.
Посмотри, как заблудших волков
Поедает слепая овца.
Ты ложишься на грудь мою.
Спишь со мной. Не оттого ли
По ночам ты всё больше и больше
Похож на отца?

Спи мой сын.
Посмотри на меня
На столетие раньше и позже.
Не узнай меня в собственном сне.
Не узнай меня в собственной мне.
Поцелуй эти руки.
Заметь, что мы в чём-то похожи.
Обещай мне почаще
Встречаться со мною во сне.

Спи, мой сын.

У тебя на губах
Не обсохли мои поцелуи.
У тебя на ресницах дрожат
Слёзы радости. Слёзы мои.
Я кормлю тебя грудью.
Я сплю с тобой. Не потому ли
Ты кричишь по ночам
От моей неразумной любви?

Спи, мой сын.
Ты увидишь себя.
Не теряйся под собственным взглядом.
Никогда не беги за собой —
От себя не придётся бежать.
Пусть в счастливое время
Приснится тебе, что я рядом.
И не вспомнится пусть,
Что нельзя ничего удержать...

Спи, мой сын...

У меня по соседству идёт война.
У меня за стеной сапоги идут.
Я в незапертой комнате. Я одна.
Чтобы крики выслушивать там и тут...

И откуда я знаю, кто прав, кто нет,
Кто там — в доме хозяин и кто пришёл...
Вот и я допоздна не включаю свет,
Потому что мне тоже нехорошо...

Только я ни при чём... Не на мне вина...
Кто-то стал у двери и чего-то ждёт...
У меня по соседству идёт война.
И куда? И куда же она придёт?..

Дверь оставляю настежь, сажусь за стол.
Дальше рука сама – и не по себе.
Будет писать о сложном как о простом.
Чтобы стихом стелиться по всей земле.

Чтобы стенать и вздрагивать над листом.
А по столу ожоги, рубцы и рвы.
А под ногтями стружка, искра и стон.
И карандаш остался без кожуры.

Чтобы перо наращивать на лету.
А под глазами – ночь. А в глазах – луна.
И по бумаге пальцами как по льду.
И добела бумага раскалена.

А между рёбер режет ребро стола.
А из окна доносится лай ворон.
За ночь слезой просолена простыня,
Словно стихом пропитана с двух сторон.

Светлая жизнь мерещится вдалеке,
Блекнет бумажным саваном впереди.
Чтобы часы не тикали на руке.
Чтобы не выдыхали меха груди.

Пишет не тот, кто искренне глух и слеп,
Сколько листок ни комкай и ни мусоль.
Что для судьбы – несчастье, поэту – хлеб.
Что для души – ненастье, поэту – соль.

Спрашиваю саму себя обо всём,
Что наугад рука моя создала.
Падает слово в пену и чернозём
И прорастает из глубины стола...

Бог во многом сознательно строг...
Только были бы замыслы добрыми!
От моих то ли рук, то ли строк
У кого-то забьется под ребрами...

У кого-нибудь там, за спиной,
Запушится, выбьется белое!
Чем ни жизнь наколдована мной?
Что ещё я такого наделала?

Я добавлю живого – к уму!
Что-то чудится мне! Что-то слышится!
Дайте Демону волю и тьму –
Он такими стихами испишется!

А потом, расшибаясь душой
(Может – зря!), но я всё-таки думаю:
Этот мир – пусть не самый большой! –
Но вмещает меня. Или ту мою

Наибольшую, зримую часть...
Остальное вмещать в него поздно... Но
Смотрит Бог на меня, горячась,
Что хоть что-то во мне им не познано! ■

Хельта Машкара

г. Москва
vk.com/hellta

Я лежу, миры перепутав,
Устремив взгляд в седую высь.
Ты, идущий моим маршрутом,
Оглянись!..

Ты, задиристый и умелый,
Отмеряющий верно шаг...
Я уже не имею тела,
Я – душа.

Ты, идущий по перевалу,
Знаешь ли, как в своей печали
Бесконечным контральто скалы
Звучали,
Звали
Страшно и отрешённо,
Пробираясь в сердец глубины,
Как сходили с небес сражённых
Лавины,
По карнизам плясали духи,
По ущельям металась тень,
Гасли в бешеной завихрухе
Голоса,
Размыкались звенья,

Холодели, синели губы,
И от этих кошмаров диких
Расцветали на ледорубах
Маки,
Циннии
И гвоздики?..

... Я не помню уже, прохожий.
Я, лежащий за перевалом,
Суетливый, неосторожный,
Усталый...

Ты уходишь – незряче, молча,
За спиной замыкая холод,
И ледник твоей тенью точно
Расколот.

* Завихруха - метель в горах,

** Карниз - снеговой нанос по гребню горы

фото: Владимир Новиков

... В одиночестве, осенью, если недалеко дом,
Если утром туман сны сменяет на миражи,
Мореход за неделю срастается с кораблём -
И потом друг без друга они не способны жить.

Друг без друга – ведь это без паруса над волной?
Без руки – самой верной, лежащейся на штурвал?..
Так они представляют единое – рулевой
И позволивший, чтобы кто-то им управлял.

И тогда, если где-то поблизости рыщет смерть,
Превращаясь то в череп на флаге, то в чёрный шторм,
Смелый парусник будет стараться доплыть, успеть –
И спасти человека, которому верит он.

Ну а если однажды на палубе дрогнет рябь
Огневая, сминая её, как опавший лист, –
Капитан не предаст полюбивший его корабль
И останется честен, душой перед небом чист.

А бывает иначе.
Когда человек неправ.
Обнажая дрянную, не знавшую чести, суть,
Он уходит... И ищут по свету его ветра,
Тщетно силясь однажды найти и назад вернуть.

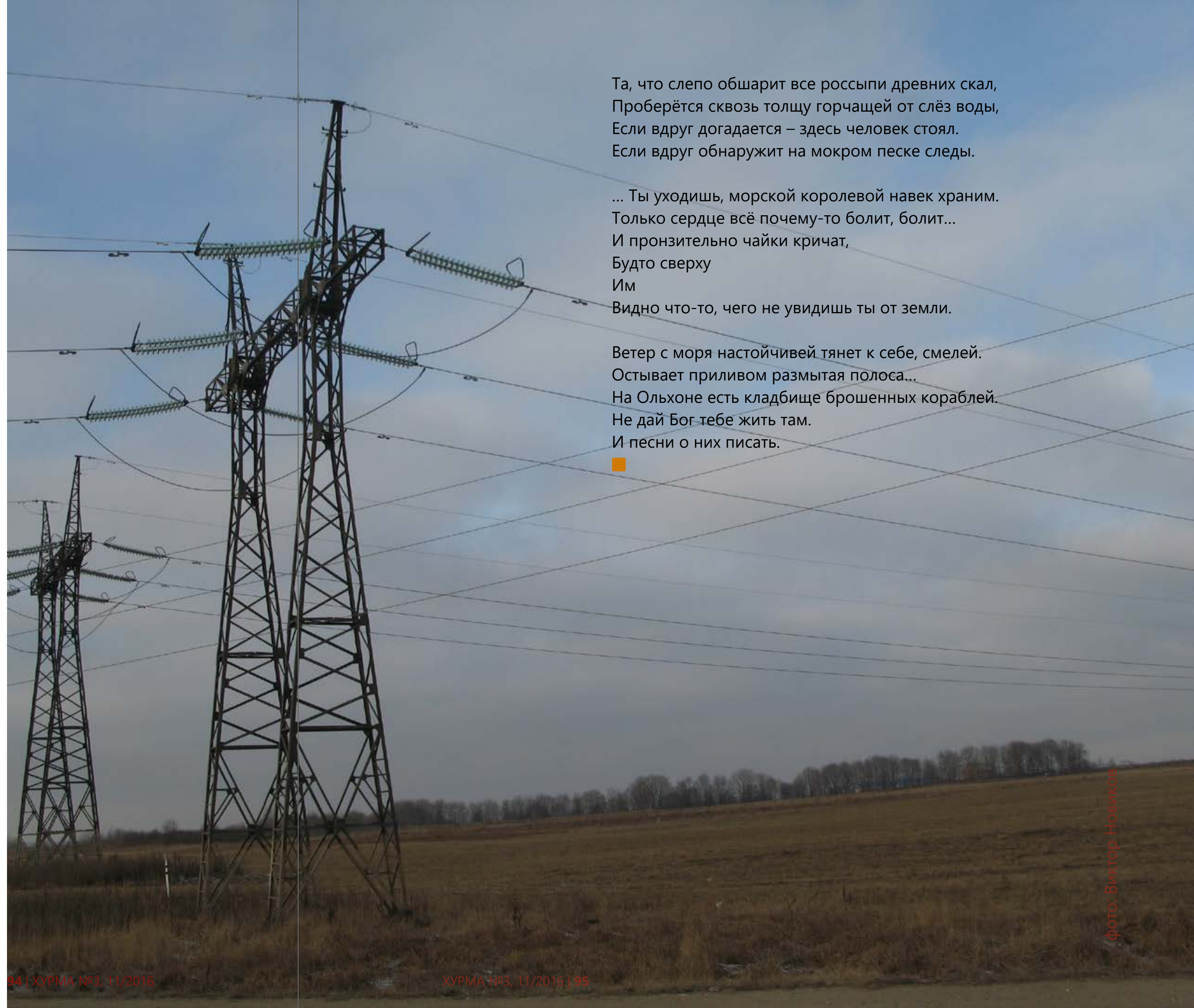
Ну а бриг пополняет забытый наземный флот.
Поджимает о камни истёртые якоря.
И как будто бы рыба, простившись с простором вод,
Превращается в нечто, несвойственное морям.

Изнывая на суше, уже через раз дыша,
Он становится вдруг неподвижен и ядовит.
А под мёртвым металлом живая растёт душа.
Очень тёмная, злая и жадная до любви.

Та, что слепо обшарит все россыпи древних скал,
Проберётся сквозь толщу горчащей от слёз воды,
Если вдруг догадается – здесь человек стоял.
Если вдруг обнаружит на мокром песке следы.

... Ты уходишь, морской королевой навек храним.
Только сердце всё почему-то болит, болит...
И пронзительно чайки кричат,
Будто сверху
Им
Видно что-то, чего не увидишь ты от земли.

Ветер с моря настойчивей тянет к себе, смелей.
Остывает приливом размытая полоса...
На Ольхоне есть кладбище брошенных кораблей.
Не дай Бог тебе жить там.
И песни о них писать.





Хурма

Сергиев посад, 2016